

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР
«ЯЗЫКОВЫЕ АРЕАЛЫ РОССИИ»

**ТИПОЛОГИЧЕСКИ РЕДКИЕ И УНИКАЛЬНЫЕ
ЯВЛЕНИЯ НА ЯЗЫКОВОЙ КАРТЕ РОССИИ**

Тезисы докладов
международной научной конференции
Санкт-Петербург, 2 – 4 декабря 2010 г.

Санкт-Петербург
«Нестор-История»
2010

Типологически редкие и уникальные явления на языковой карте России. Тезисы докладов международной научной конференции, проходившей в Санкт-Петербурге 2–4 декабря 2010 г. / Отв. ред. Е. В. Головки. СПб.: Нестор-История, 2010. – 87 с.

Редакционная коллегия:

Н. Б. Вахтин, А. П. Володин, Е. В. Головки (председатель),
М. З. Муслимов, С. А. Оскольская (секретарь), А. М. Певнов,
Е. В. Перехвальская, С. С. Сай.

В сборнике представлены тезисы участников конференции «Типологически редкие и уникальные явления на языковой карте России», проходившей в Санкт-Петербурге 2–4 декабря 2010 г. В центре внимания оказываются явления, засвидетельствованные лишь в небольшом числе языков мира, причем анализируются данные, относящиеся к разным уровням языка: фонологии, морфологии, синтаксису, лексической семантике, – а также к языковым контактам.

Утверждено к печати Институтом лингвистических исследований РАН.

Подготовка к печати и публикация материалов докладов молодых ученых осуществлена за счет средств Целевой программы Президиума РАН «Поддержка молодых ученых».

Издание подготовлено при содействии
Российского гуманитарного научного фонда
(грант № 08-04-00167а «Редкие и уникальные явления в языках
Российской Федерации, находящихся под угрозой исчезновения»).

Издание осуществлено с оригинал-макета, подготовленного в ИЛИ РАН.

© Коллектив авторов, 2010
© ИЛИ РАН, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Т. Б. Агранат</i> Ижорский прохибитив: предварительные замечания	6
<i>О. И. Беляев</i> Сочинительные конструкции с асимметричной семантикой в осетинском языке	7
<i>Н. Я. Булатова</i> Эмоционально-оценочные суффиксы именных и глагольных форм в эвенкийском языке	10
<i>А. П. Володин</i> Категория рода в языках Сибири	12
<i>А. П. Выдрин</i> Фацилитивно-дифицитивные показатели и конструкции (на материале языков кавказского региона).....	14
<i>Ю. Е. Галямина</i> Кетский язык: инкорпорация для кодовых переключений	16
<i>Д. В. Герасимов</i> Предикативные формы личных местоимений в адыгейском языке	18
<i>Е. Ю. Груздева</i> Демонстративы в нивхском языке	20
<i>Н. Г. Зайцева</i> Феномен глагольного формообразования в вепсской грамматике.....	22
<i>О. А. Казакевич</i> Грамматический раритет северо-западных эвенкийских говоров	24
<i>Е. А. Крюкова</i> Как изменяются традиционно неизменяемые части речи в енисейских языках	26
<i>Н. В. Кузнецова</i> Две фонологические редкости в диалектах ижорского языка.....	28
<i>Вяч. С. Кулешов</i> Сандхи и нулевой префикс в нивхском языке	30
<i>Ю. А. Ландер</i> Контрастная рестриктивность в тантынском даргинском	33
<i>М. Д. Люблинская</i> Отрицательные и утвердительно-эмфатические конструкции с глаголом <i>нись</i> в ненецком языке	35
<i>А. А. Мальцева</i> Рост синтетизма в системе таксисных конструкций алюторского языка	37
<i>Д. Матич, С. Оде</i> Взаимоотношение между морфологическим фокусом и тональной выделенностью в тундренном юкагирском языке.....	38
<i>И. А. Муравьева</i> Типологическое своеобразие прилагательных в алюторском языке	40

<i>М. З. Муслимов</i>	
Некоторые ареальные редкости в ингерманландских финских диалектах	42
<i>Г. А. Некрасова</i>	
К семантике аккузатива в пермских языках	43
<i>М. А. Овсянникова</i>	
Локативные существительные в лесном диалекте энецкого языка	45
<i>С. А. Оскольская</i>	
Показатель «косвенного падежа» в нанайском языке	48
<i>Б. Пакендорф</i>	
Новый взгляд на контактные процессы: заимствование глагольной морфологии из якутского языка в ламунхинский говор эвенского языка	50
<i>А. М. Певнов</i>	
Об уникальных случаях «квазисогласования» имени с глаголом	53
<i>Е. В. Перехвальская</i>	
Глоттализированные гласные удэгейского языка в тунгусо-маньчжурской перспективе	54
<i>В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева</i>	
Глагольные формы «прекращенного прошлого» энецкого языка с типологической точки зрения	57
<i>М. Ю. Пупынина</i>	
Асимметрия аффирмативных и негативных глагольных форм в чукотском языке	59
<i>Ф. И. Рожанский</i>	
Фонологическая система современного водского языка как уникальный пример маргинальности	62
<i>Е. Л. Рудницкая</i>	
Типологические особенности сочинения в эвенкийском языке	65
<i>Н. В. Сердобольская</i>	
«Актантное» и «обстоятельственное» оформление сентенциального актанта в адыгейском языке	68
<i>М. Ю. Смолина</i>	
Причастия тофаларского языка: не только признак, не только атрибутивность	70
<i>Н. Р. Сумбатова</i>	
Аллокутивная частица и показатель множественности в даргинском языке	72
<i>А. А. Сюрюн</i>	
Полиаффиксы в тувинском языке	74
<i>О. А. Теуш</i>	
Происхождение одной уникальной идеограммы в говорах Русского Севера	76

<i>А. Ю. Урманчиева</i>	
Островок «активного строя» в глагольной морфологии ненецкого и энецкого языков	78
<i>О. В. Ханина, А. Б. Шлуинский</i>	
Серии глагольных лично-числовых показателей в лесном диалекте энецкого языка.....	80
<i>D. Erschler</i>	
On suspended affixation in Ossetic and East Armenian.....	82
<i>A. Malchukov</i>	
A rare type of resultative in Even.....	85

Ижорский прохибитив: предварительные замечания

Т. Б. Агранат (ИЯз РАН)

Если многие «лингвистические редкости» хоть и оказывались на периферии в грамматических описаниях языков, они все-таки попадали в поле зрения исследователей и раньше, т. е. не оставались совсем незамеченными. «Странности» же парадигмы ижорского прохибитива почему-то никогда никем не упоминались даже вскользь.

Как известно, в прибалтийско-финских языках отрицание выражается с помощью специального спрягаемого отрицательного глагола, при котором смысловой глагол стоит в нефинитной (коннегативной) форме. Очень большие колебания в распределении выражения грамматических категорий между отрицательным и отрицаемым глаголом могут наблюдаться даже по диалектам одного языка. Коннегативная форма во всех наклонениях, кроме императива, в прибалтийско-финских языках чаще всего во всех лицах и числах не имеет эксплицитно выраженного показателя, т. е. совпадает с основой глагола (в вепском, например, это не так, см. [Зайцева 1981]), но так обстоит дело в ижорском, о котором здесь идет речь. Императив в 2 л. ед.ч. также показателя не имеет, и эти две формы омонимичны. В других лично-числовых формах присутствуют эксплицитно выраженные показатели. Таким образом, возможна двоякая трактовка прохибитива 2 л. ед.ч. В других же лично-числовых формах прохибитива наклонение, лицо и число маркируются дважды: в словоформе отрицательного глагола и в словоформе смыслового глагола, независимо от того, считаем ли мы последнюю коннегативом или императивом.

В прибалтийско-финских языках на территории РФ, очевидно, под влиянием русского языка в 3 л. исконная форма императива и прохибитива вытеснилась аналитической конструкцией, состоящей из частицы со значением ‘пусть, пускай’ (по происхождению из императива глагола ‘пускать, пустить’) и смыслового глагола соответственно в 3 л. ед. ч. или мн. ч. настоящего времени индикатива (см., например, в вепском [Зайцева 1981], в водском [Агранат 2007]). В ижорском языке также сохраняются старые формы императива и прохибитива только во 2 л. обоих чисел.

Тем не менее, как оказалось, в сойкинском диалекте ижорского языка парадигма прохибитива, состоящая из двух членов, претерпевает изменения. Во 2 л. ед. ч. сохраняется старая немаркированная форма смыслового глагола, а во 2 л. мн. ч. она совер-

шенно неожиданно заменяется инфинитивом, при этом старые формы 2 л. мн. ч. тоже иногда встречаются.

- (1) *Elä* *ui* *itkuri*
NEG.IMP.2SG быть.CONN плакса
'Не будь плаксо́й'.
- (2) *El-kä* *ol-la* *itkuri-t*
NEG.IMP.2PL быть-INF плакса-PL
'Не будьте плакса́ми'.

Ничего похожего в других прибалтийско-финских языках не обнаруживается, именно поэтому появление инфинитива в таких конструкциях логично считать инновацией, а описанные выше формы исконными, а не, скажем, появившимися под влиянием контактирующего водского языка.

Было опрошено 11 информантов, однако не был собран достаточно большой корпус примеров, позволяющий понять дистрибуцию этих форм. Для некоторых глаголов информанты допускали обе формы, для некоторых – допускали одну и запрещали другую. Не удалось пока понять, зависит ли дистрибуция от возраста информанта и/или от говора, это еще предстоит узнать. В любом случае, удивление вызывает перестройка парадигмы не по аналогии, а вопреки аналогии.

Литература

- Агранат Т. Б. *Западный диалект водского языка*, MSUA 26. Москва–Гронинген, 2007.
- Зайцева М. И. *Грамматика вепского языка*. Л., 1981.

Сочинительные конструкции с асимметричной семантикой в осетинском языке¹

О. И. Беляев (МГУ)

В лингвистической типологии распространена точка зрения, согласно которой сложносочиненные предложения семантически и прагматически симметричны, в то время как в сложноподчиненных предложениях присутствует асимметрия между двумя клаузами. Эта же оппозиция иногда трактуется в терминах (прагматической)

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФНФ, грант № 09-04-00168а. Материал кункинского даргинского собран при поддержке РФНФ, грант № 10-04-00228а.

ассерции и пресуппозиции (или не-ассерции) [Lambrecht 1994]. Такой взгляд на противопоставление сочинения и подчинения можно встретить в таких работах, как [Langacker 1991], [Cristofaro 2003]. Широко известны, однако, аргументы против того, чтобы ставить знак равенства между сочинением и ассерцией с одной стороны, и подчинением и пресуппозицией, – с другой. Так, конструкции, прагматически использующиеся в ассертивных контекстах (например, в нарративе), являются синтаксически подчинительными по всем свойствам во многих нахско-дагестанских языках: в багвалинском [Казенин 2001], ахвахском [Creissels, в печати], кункинском даргинском [Belyaev 2010]. Подобные факты имеются и в европейских языках. В связи с этим некоторыми исследователями предлагается смягченная формулировка «прагматического определения» сочинения и подчинения. Так, в работе [Пекелис 2009] на материале русского языка предлагается точка зрения, согласно которой сочинительные конструкции всегда являются ассертивными, тогда как подчинительные конструкции могут быть как в пресуппозиции, так и в ассерции.

В то же время примеры обратного несоответствия между синтаксисом и семантикой/прагматикой, насколько мне известно, в существующей литературе отсутствуют. По всей видимости, именно такой случай представлен в осетинском языке.

Сочинительный союз *амæ* 'и' в осетинском языке кодирует сочинительные отношения между любыми парами составляющих одной и той же категории. Он является последовательно сочинительным по всем свойствам, применимым к осетинскому языку. Так, гнездование одной из сочиняемых клауз внутри другой невозможно. Смена линейного порядка клауз, обозначающих временную последовательность событий, невозможна без изменения смысла.

В то же время в осетинском языке существуют конструкции, производные от сочинительных, обозначающие исключительно семантику причины, т. е. значение, обычно кодируемое подчинительными средствами в качестве прагматической (и часто логической) пресуппозиции. В литературном иронском диалекте таких конструкций две: *уьмæн амæ* 'тот.DAT и' и *уьй тыххæй амæ* 'тот.GEN из-за и'. Несмотря на то, что их семантика далека от сочинительной, синтаксически они сохранили сочинительные свойства союза *амæ* 'и', от которого они производны. Так, гнездование «подчиненной» клаузы внутри главной невозможно (1), как невозможна и смена линейного порядка клауз: причинная клауза всегда должна следовать за главной.

(1) а. *Зауыр-æн хъыг уыд-и уымæн*
 Заур-DAT обида быть-PST.INTR.3SG тот.DAT
æмæ=йæм Алан нæ=фæ-дзырд-т-а
 и=3SG.ENCL.ALL Алан NEG=PV-говорить-TR-PST.3SG
 ‘Заур обиделся, потому что Алан его не позвал’

б. **Зауырæн, уымæн æмæ=йæм Алан нæ=фæдзырдта, хъыг уыди*

Насколько мне известно, ни для одного языка такого несоответствия между синтаксисом и семантикой не засвидетельствовано. Между тем имеются случаи эволюции сочинительных показателей в подчинительные в таких языках, как мегрельский [Harris, Campbell 1995: 290] и северный кхунг [Heine, Kuteva 2004: 43–44]. Материал осетинского языка подвергает сомнению существование однонаправленного и универсального процесса грамматикализации, в ходе которого сочинительные показатели становятся подчинительными [Heine, Kuteva 2004: 44]. Не исключено, что и в других языках аккуратная проверка сочинительно-подчинительных свойств покажет, что эволюция сочинения в подчинение не так распространена, как кажется на первый взгляд.

Литература

- Казенин, К. И. Деепричастные конструкции // *Багвалинский язык (грамматика, тексты, словари)* / Отв. ред. А. Е. Кибрик. М.: Наследие, 2001. С. 554-594.
- Пекелис, О. Е. *Сочинение и подчинение в контексте причинной семантики*. Дисс. на соискание ученой степени к. ф. н. М., 2009.
- Belyaev, O. Coordination and subordination in Dargi languages (Icari, Qunqi and Ashti) // *Syntax of the World's Languages IV (Lyon, 23-26 September 2010). Book of Abstracts*. Lyon, 2010. С. 15-16.
- Creissels, D. Specialized converbs and adverbial subordination in Axahdərə Akhvakh // *Clause hierarchy and clause-linking: syntax and pragmatics* / Ред. I. Bril, в печати.
- Cristofaro, S. *Subordination*. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Harris A., Campbell L.. *Historical syntax in cross-linguistic perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Heine B., Kuteva T.. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Lambrecht, K. *Topic, focus, and the Mental Representations of Discourse Referents*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Langacker, R. W. *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. II: Descriptive Applications*. Stanford: Stanford University Press, 1991.

Эмоционально-оценочные суффиксы именных и глагольных форм в эвенкийском языке

Н. Я. Булатова (ИЛИ РАН)

В эвенкийском языке можно выделить несколько суффиксов, придающих именным и глагольным словам эмоционально-окрашенные характеристики: уменьшительность, ласкательность, пренебрежительность, увеличительность, сравнение, усиление, выделение. Почти всеми специалистами, занимающимися проблемами морфологии эвенкийского языка, эти суффиксы были выделены ранее, но рассматривались они чаще применительно только к именным и очень редко глагольным формам. Мы же остановимся только на тех показателях, которые употребляются как в именных, так и в глагольных словоформах, на что ранее не обращалось внимания.

Это следующие суффиксы:

1) =*кākūn* (с гармонирующим рядом), образованный путем сложения суфф. =*kān*, имеющего уменьшительное и ласкательное значение, и суфф. =*kūn*, выражающего усиленное значение. Этот суффикс в зависимости от контекста и речевой ситуации выражает увеличительность, уменьшительность и ласкательность, например:

сущ. – *Сбниң-кākūn эмэ-рэ-н* ‘Богатырище пришел’

Долбонй = кākūн хактырама ‘Ноченька-то темная’

прил. – *ая-кākун асаткāн* ‘прекрасная девушка’

гугда-кākūн урэ ‘очень высокая гора’

числ. – *Тунңа-кākūн кусй-де-рэ* ‘только впятером борются’

Гэ-кākūн дололок ‘Второй-то (с оттенком жалости, ласкательности) хромой’

мест. – *Нуңа-кākūн тар хава-ва ѓ-рак-и-н, ая би-мчэ* ‘Если бы он (с оттенком жалости, ласкательности) ту работу выполнил, было бы хорошо’

Тар-кākūн тукса-ра-н ‘Тот-большой прибежал’

прич. – *Хавал-кākūн-дя-рй-ва улий-кэллу* ‘Работающего (с оттенком ласкательности) накормите’

дееприч. – *Хавā-ви этэ-кэжūн-и-ксэ, мучу-чā-н* ‘работу-свою закончив (с оттенком ласкательности, жалости), вернулся-он’

глаг. – *Горово би-кэжūн-де-рэ* ‘долго живут (с оттенком жалости или ласкательности)-они’

Хотим обратить внимание на то, что в глагольных словоформах этот суффикс не имеет четко фиксированного положения в слове, что нельзя сказать об именных: например, можно сказать *хавал-кākūн-дя-рй* и *хавал-дя-рй-кākūн*, *этэ-кэжūн-и-ксэ* и *этэ-ксэ = кэжūн*, *би-кэжūн-де-мй* и *би-де-кэжūн-мй*. Для того, чтобы

определить, насколько перемена места в слове суффикса =*мй* влияет на его значение, нужна дополнительная работа с информантами. На первый взгляд, у нас есть ощущение, что в первом случае дополнительное значение придается глагольной основе, во втором – относится к субъекту действия.

2) суфф. =*мй* – суффикс, придающий словам пренебрежительный оттенок, в существительных может обозначать ветхость.

сущ. – *Бэе-мй эмэ-рэ-н* ‘Плохой-человек пришел’

Тэты-мй локуча-дя-ра-н ‘Одежда-ветхая висит’

прил. – *Сагды-мй бинэ, ђн э-си-н сѧ-рэ* ‘Старый (с оттенком пренебрежения) будучи, почему не знает’

мест. – *Сй-мй аят ђ-дяңѧ-с = тѢ* ‘Ты (с оттенком пренебрежения) хорошо сделаешь-разве’

числ. – *Дюри-мй-л нямй-л эмэ-рэ* ‘Две (с оттенком пренебрежения – **плохонькие** или может иметь значение **только**) важеньки пришли’

прич. – *Асин-чѧ-мй-ва э-кэллу мѢлив-ра* ‘Уснувшего (с оттенком пренебрежения) не разбудите’

дееприч. – *Мў-ли-мй-кссѧ = дэ, бэлэчи-гин* ‘Хоть воды поносив (с оттенком пренебрежения), пусть поможет’

глагол. – *Горо-во тэгэт-чэ-мй-де = рэ-н* ‘Долго сидит-он (с оттенком пренебрежения)’

К особенностям употребления этого суффикса можно отнести следующее: а) употребление с числительными открывает им возможность образования множественного числа, хотя, как мы знаем, числительные не имеют формы множественного числа; б) данный суффикс с глагольными основами, как и суфф. =*кѧкўн*, также не имеет фиксированного места в слове: **ңэңэ-мй-кссѧ-де-рэ-н**, **ңэңэ-кссѧ-де-мй-рэ-н** или **ңэңэ-кссѧ-мй-де-рэ-н** ‘пытается-идти-он (с оттенком пренебрежения)’.

в) Более того, он может удваиваться в слове, тем самым еще более усиливая пренебрежительное значение: **ңэңэ-мй-кссѧ-де-мй-рэ-н**.

3) суфф. =*ма* – усиливает, уточняет значение слова:

сущ. – *Хунѧт-ма-ва-в эѢт-чэ-рэ-н* ‘Именно-дочь-мою желает’

прил. – *Сагды-ма-дў бў-кэл* ‘Именно (или только)-старому дай’

числ. – *Сў ила-лла-ма-лй нулги-кэллу* ‘Вы именно-через-три-дня перекочуйте’

мест. – *Нуңѧн мин-э-мэ-вэ синма-чѧ-н* ‘Он именно-меня выбрал’

прич. – *Тэлкэ-де-рй-мэ ђ-чѧ* ‘Только-кричащей-постоянно стала’

дееприч. – *Ю-де-мэ-рэк-и-в тыгдэ-л-чэ-н* ‘Именно-когда-выходил-я пошел-дождь’

глагол. – *Тыгдэ-мэ-л-лэ-н = дэ тыгдэ-л-лэ-н* ‘Задождил-сильно-да задождил’

4) суфф.=*күн* уточняет, усиливает, выделяет значение слова, чаще употребляется при утвердительном ответе на вопрос.

сущ. *Бү бира-күн-ма хэдэ-рэ-в* ‘Мы реку-большую переплыли-мы’

Тар бира = гу ? Бира-күн ‘Это река? – Конечно, река.’

прил. – *Омакта-күн дюкчэ* ‘Новая-совсем стоянка’

числ. – *Дюрй-күн ис-та* ‘Двое-только добрались’

мест. – *Сй = гү эмэ-нни? – Бй-күн.* ‘Ты что ли пришла? – Конечно, я.’

прич. – *Гирки-в эмэ-лтэк-күн* ‘Друг-мой вот-вот-придет’

дееприч. – *Хавал-дя-нахй-күн, аят би-чэ-вун* ‘Только-когда-работали, хорошо жили.’

глагол. – *Хавал-дя-нни? – Хавал-күн.* ‘Работаешь-ты? – Конечно, работаю.’

5) суфф. = *гачйн* – суффикс сравнения, сходства, подобия.

сущ. – *Куңакār-гачйр эвй-де-рэ* ‘Как-дети играют’

прил. – *Гугда-гачйн би-чэ-н* ‘Высокий-будто был-он’

числ. – *Дюр би-нэ-л, илан-начйн хавал-дя-ра* ‘Двое будучи, как-трое работают.’

мест. – *Мин-нэчйн дуку-кал* ‘Как-я пиши.’

прич. – *А-дя-чэ-гачйн хуглэ-де-чэ-н* ‘Как-будто бы-спал, лежал-он.’

дееприч. – *Хавал-дя-на-гачйн хавал-дя-кал* ‘Как работал, так и работай.’

глагол. – *Цинакин гого-чэ-н-ночйн* ‘Собака лаяла-кажется.’

Категория рода в языках Сибири

А. П. Володин (ИЛИ РАН)

Категория рода представляется обязательной для языковой системы, поскольку человека окружают предметы, по меньшей мере, двух принципиально разных классов – живые и неживые. В свою очередь, живые делятся на разумных и неразумных (человек/не-человек), разумные делятся на мужчин и женщин, а неразумные – на самцов и самок. Неживые предметы делятся на естественные и артефакты (результаты человеческого труда). Последние могут делиться с любой степенью подробности (длинные, круглые, хрупкие, парные и т. д.). Тем не менее, известно немало языков, где категории рода нет. Эмпирически

было установлено, что это – языки, характеризующиеся линейной моделью словоформы типа R+(m) (фиксированная позиция корня). Единственной точкой системы таких языков, где все же прослеживается противопоставление «живой/неживой», «человек/не-человек», являются вопросительные местоимения.

В языках, где в линейной модели словоформы позиция корня не фиксирована – (m)+R+(m), категория рода возможна. (Таковы в частности, индоевропейские языки, но они не входят в предмет наших нынешних интересов). Языки Сибири (уральские, тюркские, тунгусо-маньчжурские, монгольские, эскалеутские) категории рода не имеют в силу изложенных выше причин. Палеоазиатские языки, напротив, характеризуются моделью словоформы типа (m)+R+(m). В чукотско-корякских языках, а также в ительменском, категория рода может быть усмотрена как скрытая. Наконец, отметим кетский язык, в котором категория рода («семантическая» по Г. Корбетту) представлена в явном виде. Это единственный неиндоевропейский язык на территории Сибири, имеющий категорию рода. Некоторые авторы (например, Г. К. Вернер и Э. Вайда) называют ее категорией класса, но «род» и «класс» – это синонимичные обозначения одной и той же классифицирующей категории.

В кетском языке различается три рода: мужской, женский и вещный. Исходная форма кетских имен и местоимений не имеет родовых маркеров, ср. *op* «отец», *am* «мать», *bu* «он/она». Но в косвенных формах род маркируется отчетливо: *ob=d=a=ŋt* «у отца», *am=d=i=ŋt* «у матери», *bu=d=a=ŋt* «у него», *bu=d=i=ŋt* «у нее». В системе имен показатель вещного рода совпадает по экспоненту с женским, ср.: *baŋ=d=i=ŋt* «на земле». В системе предикативных словоформ различается три родовых показателя: *aqta=du* «хороший=он», *aqta=da* «хорошая=она», *aqta=m* «хорошее=это». Ср. также личные формы биперсонального глагола: *di=γa=tet* «я=его=бую», *di=i=tet* «я=ее=бую», *di=p=tet* «я=это=бую».

Если брать несколько шире – скажем, территорию Евразии, – то языки агглютинативной типологии, имеющие категорию рода, обнаруживаются на Кавказе (в частности, в абхазском языке, где, как в кетском, три рода – мужской, женский, вещный). Следует назвать еще язык бурушаски (северная Индия, Каракорум) – в этом языке четыре рода (или класса): мужской, женский, класс живых существ (не-человек) и названий плодов и растений, вещный (неодушевленные предметы). Вопрос о возможном генетическом единстве бурушаски и енисейских языков (в частности, кетского) еще ждет своего исследователя.

Фацититивно-дифицититивные показатели и конструкции (на материале языков кавказского региона)¹

А. П. Выдрин (ИЛИ РАН)

Несмотря на то, что наиболее распространенные грамматизированные показатели динамической модальности (другие термины – ситуативная [Palmer 2001], агентивная [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994], ирреальная модальность [Плунгян 2000]), такие как возможность и необходимость, достаточно хорошо изучены [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994; van der Auwera & Plungian 1998; Palmer 2001; Traugott 2006], рассмотрение путей грамматизации других, более частных значений этого вида модальности, обычно остается за рамками типологически ориентированных исследований.

Настоящее исследование посвящено описанию одного частного значения ситуативной модальности, связанного с оценкой осуществления ситуации по параметру ‘легко / трудно’. На языковой карте России грамматизация этого значения отмечается в осетинском языке, где обнаружена конструкция (далее – фацититивно-дифицититивная конструкция), состоящая из отглагольного деривата на *-æн*, наречия *зын* ‘трудно’ или *æнцон* ‘легко’ и вспомогательного глагола *уæвын* ‘быть’, согласующегося с пациентивным участником в лице и числе, агентивный участник при этом маркируется дативом. Например:

- (1) *Ацы фыс-тæ нын зын*
этот баран-PL.NOM 1PL.ENCL.DAT трудный
æрц-ахс-æн сты
PREF-ловить.PRS-NMLZ быть.PRS.3PL
‘Нам трудно поймать этих баранов’.

На синхронном уровне исходным для фацититивно-дифицититивной конструкции является предложение с инфинитивом, в котором наречие *зын* ‘трудно’, *æнцон* ‘легко’ (или любое другое) образует с глаголом *уæвын* ‘быть’ в 3SG сложный предикат; экспериенцер при этом маркируется дативом. Например:

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 09-04-00168а.

- (2) *зын* *у* *адæймаг-æн йæ*
 Трудный быть.PRS.3SG человек-DAT POSS.3SG
хорз ахуыр-тæ ны-ууадз-ын
 хороший привычка-PL.NOM PREF-оставлять.PRS-INF
 ‘Человеку трудно оставить свои хорошие привычки’ [Мах дуг,
 № 6, 2001, 79].

Однако диахронически фацитивно-дифицитивная конструкция происходит скорее из конструкции внешней возможности, в которой также используется глагольный дериват на *-æн* и вспомогательный глагол *уæвын* ‘быть’, а агенс маркируется дативом. Например:

- (3) *Бараташвили-йы хъомысджын курдиат-æн*
 Бараташвили-GEN мощный талант-DAT
пассивон романтизм-ы къуындаг фæлгæт-ты
 пассивный романтизм-GEN тесный оправа-PL.NOM
ба-цæу-æн нæ уыд
 PREF-идти.PRS-NMLZ NEG быть.PST.3SG
 ‘Мощный талант Бараташвили не мог войти в тесные рамки пассивного романтизма’ [Бестаев Г.Г., Произведения, 3 том, Владикавказ, 2004, 226].

В докладе будут рассмотрены синтаксические особенности фацитивно-дифицитивной конструкции и ее место среди других модальных конструкций осетинского языка.

Примечательно, что осетинский – не единственный язык Кавказского региона, в котором обнаруживается грамматикализация фацитивного или дифицитивного значения. Другим таким языком является адыгейский, в котором эти значения выражаются с помощью специальных суффиксов (*-гъуае* или *-гъуай* для выражения фацитива и *-гъошлу* для выражения дифицитива) [Рогава, Керашева 1966, 297]. В докладе будут рассмотрены грамматикализованные способы выражения фацитивного и дифицитивного значения в других кавказских языках и дан ответ на вопрос, является ли обнаруженный случай грамматикализации уникальным явлением для кавказского региона.

Сокращения

DAT – датив, ENCL – энклитика, GEN – генитив, INF – инфинитив, NMLZ – номинализация, NEG – отрицание, NOM – номинатив, PL – множественное число, POSS – посессивность, PREF – преверб, PRS – настоящее время, SG – единственное число.

Литература

- Плунгян В. А. *Общая морфология. Введение в проблематику*. М., 2000.
- Рогава Г. В., Керашева З. И. *Грамматика адыгейского языка*. Майкоп, 1966.
- Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World*. Chicago and London: University of Chicago Press. 1994.
- Palmer F. R. *Mood and Modality*. Cambridge: Cambridge University Press. 2001.
- Traugott E. C. Historical aspects of modality // Frawley W. (ed.) *The expression of modality. The expression of cognitive categories I*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2006. pp. 107–140.
- van der Auwera J. and Plungian V. Modality's semantic map // *Linguistic Typology*, 1998 (2). pp. 79–124.

Кетский язык: инкорпорация для кодовых переключений

Ю. Е. Галямина (НИВЦ МГУ)

Считается, что кетский язык некогда был полноценным полисинтетическим языком, в котором наблюдались многие из присущих таким языкам свойств. Однако со временем в нем произошла лексикализация глагольных комплексов, в результате которой свободное образование сложных глаголов стало невозможным (за исключением некоторых грамматических механизмов).

Соответственно, многие исследователи полагают, что в кетском языке можно говорить об инкорпорации только в рамках диахронного подхода. Так, в [Решетников, Старостин 1995] утверждается, что «кетское инкорпорирование характеризуется как явление чисто лексическое», а «набор основ, для которых возможно объединение с глагольной словоформой, строго определен».

Однако данные, полученные в ходе корпусноориентированных исследований кетского языка, опровергают это утверждение. Сбор и анализ спонтанных (а не прецедентных) устных текстов дает уникальную возможность выявить живые грамматические механизмы, все еще действующие в исчезающем языке.

Глагольную словоформу кетского языка принято описывать с помощью порядковой модели [Решетников, Старостин 1995, Vajda 2004]. Каждая ячейка заполняется грамматическим /словообразовательным маркером того или иного вида или лексической основой. Существует два порядка, которые могут

быть заполнены лексическими основами: так называемое ядро (база – по [Vajda 2004]) и модификатор (инкорпорант). Наличие в глаголе ядра обязательно, в то время как модификатор встречается не во всех глаголах. Некоторые из обоих типов лексических основ не встречаются в самостоятельном употреблении и об их значении «мы можем только догадываться» [Решетников, Старостин 1995]. И если ядро может содержать в себе только глагольные корни (пусть и с максимально выхолощенным значением, вплоть до идеи семельфактивности, итеративности или переходности), то в позиции модификатора находятся основы любой частеречной принадлежности (вплоть до местоименной).

Стоит отметить, что утверждение о лексикализованности глагольных комплексов является верным для подавляющего числа глаголов (в связи с этим задача, невозможная для полноценных полисинтетических языков, – построение глагольного словаря – для кетского языка вполне решается – см. [Вайда, Зинн 2004]). Однако в современном кетском языке существует вполне продуктивный механизм инкорпорации, но только для одного ядерного корня *bet* – ‘делать’.

Наиболее интересным представляется то, что живое грамматическое поведение этого корня распространяется только на основы, взятые из русского языка. Причем речь идет не об освоенных заимствованиях, а о спонтанных кодовых переключениях. При этом такое кодовое переключение осознается носителем не как переход на русский язык, а как встраивание русского слова в кетский язык (в отличие от простого употребления русского слова вместо кетского).

(a) *kolxoznyj ogorod sadili, kartoshka*

(b) *kartosh-ə-n d-sadili-o-l-bet-n*
 картошка-ЕР-PL S.1-садили-Т.PST-делать-S.PL
 'Картошку сажали'

При этом употребление кетских основ в позиции модификатора, по нашим данным на данный момент, строго ограничено лексически, как и для остальных ядерных основ.

Стоит отметить, что подобное явление наблюдается и в текстах более раннего периода. В частности, примеры инкорпорирования русских глагольных словоформ находятся в архивных материалах по итогам экспедиции Г. Корсакова в 1937 году в п. Суломай. Интересно, что такие примеры также находятся именно в спонтанных, беспрецедентных текстах.

В докладе будут описаны типы семантических отношений между ядром и модификатором в глаголах с ядром *bet*, исследо-

ванных в рамках лексико-типологического подхода. Интересным в данном контексте представляется сделанное на примере кетского языка наблюдение: наиболее подверженное грамматикализации глагольное значение 'делать' оказывается также наиболее устойчивым при обратном процессе лексикализации.

Литература

- Вайда Э., Зинн М. А. *Морфологический словарь кетского глагола (на основе южно-кетского диалекта)*. Томск: ТГПУ, 2004.
- Решетников К. Ю., Старостин Г. С. Структура кетской глагольной словоформы // *Кетский сборник: лингвистика*. М., 1995. С. 7-121.
- Vajda E. *Ket*. Muenchen: Lincom Europa, 2004.

Предикативные формы личных местоимений в адыгейском языке

Д. В. Герасимов (ИЛИ РАН)

Адыгейский является ярким представителем языков т. н. «омнипредикативного» типа [Launey 1994]: в нем любая знаменательная лексема (и большая часть служебных) может употребляться в позиции сказуемого, получая соответствующее морфологическое оформление [Герасимов 2004; Аспекты 2009: 30–40]. Применительно к адыгейскому целесообразно выделять скорее не именную и глагольную, а «аргументную» (притяжательность, число, падеж) и «предикатную» (лицо/число, актантные деривации, ТАМ, субординация) морфологию.

Особенно любопытно морфосинтаксическое поведение личных местоимений в позиции сказуемого. Употребляясь предикативно, личные местоимения присоединяют суффикс *-rə*, который, как кажется, в грамматике языка не встречается больше нигде:

- (1) *t-jə-direktor-ər* *we-rə*
1PL-POSS-директор-ABS ты-PRED
'Наш директор – ты.'¹

При этом предикативные личные местоимения способны присоединять практически весь спектр предикативных аффиксов:

¹ Материал, положенный в основу настоящего доклада, был собран нами в ходе полевой работы в аулах Хакуринохабль (2005–2006) и Хатажукай (2010) Республики Адыгея. См. также [Аспекты 2009: 33].

лично-числовое согласование (хотя и в прагматически довольно неестественных контекстах), отрицание, видо-временные категории, показатели зависимой предикации и т. д.:

- (2) *se sə-we-r-ep*
я 1SG.ABS-ТЫ-PRED-NEG
'Я не ты.'
- (3) *se sə-we-rə-β-əp*
я 1SG.ABS-ТЫ-PRED-PAST-NEG
'Я не был тобой.'
- (4) *se sə-we-rə-n-ew* *sə-faj*
я 1SG.ABS-ТЫ-PRED-POT-ADV 1SG.ABS-хотеть
'Я хочу быть тобой.'

Такая ситуация сама по себе является типологически довольно редкой (справедливости ради надо отметить, что морфология предикативных местоимений/местоименных связок во многих языках, типологически близких к адыгейскому (американским, австронезийским) недостаточно изучена; весьма вероятно обнаружение новых параллелей в будущем). Однако отдельную проблему, составляющую фокус доклада, представляют собой формы адыгейских личных местоимений в позиции зависимого сказуемого под отрицанием.

В этих формах, отрицательный префикс *-mə*, в норме занимающий позицию непосредственно перед корнем (подробнее см. [Сумбатова, Ландер 2007]), располагается после местоименного корня, от которого (опционально) отделяется формантом *-r*-неясного происхождения:

- (5) *se qe-s-?w-a-β*
я DIR-1SG.A-говорить-PAST
sə-zere-we-r-mə-rə-š't-ər
1SG.ABS-FACT-ТЫ-R-NEG-PRED-FUT-ABS
'Я сказал, что не буду тобой.'

С одной стороны, такой порядок аффиксов как будто бы свидетельствует о том, что в формах типа *we-rə* предикативный показатель *-rə* является корнем, а «корень» личного местоимения представляет собой согласовательный маркер. Однако, учитывая форму и позицию последнего, мы вынуждены считать его маркером согласования с эргативом, что выглядит крайне странно. Кроме того, проблематичными остаются природа и функция показателя *-r*-. В докладе будут рассмотрены несколько альтернативных гипотез на этот счет. Все они «плохи» тем, что предполагают существование в адыгейском языке специального

морфологического средства (в лучшем случае – отдельного показателя, в худшем – нетривиального морфологического процесса, не находящего параллелей в других разделах адыгейской грамматики), зарезервированного для столь периферийного случая, как употребление личных местоимений в позиции зависимого сказуемого под отрицанием. Хуже того, сделать выбор между предложенными вариантами анализа, опираясь на языковые данные, а не на какие-то внутритеоретические предпосылки, по-видимому, нельзя: рассматриваемое явление наблюдается только в узком кругу маргинальных контекстов, придумать соответствующий тест не представляется возможным. Не исключено, что перед нами в принципе неразрешимая загадка адыгейской морфологии.

Литература

- Launey M. *Une grammaire omniprédicative: Essai sur le morphosyntaxe du nahuatl classique*. Paris: CNRS Édition, 1994.
- Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка.* / Отв. ред. Я. Г. Тестелец. М: РГГУ, 2009.
- Герасимов Д. В. Классы слов и синтаксические функции в адыгейском языке: Заметки на полях «Адыгейской грамматики» У. С. Зекоха // *Петербургское лингвистическое общество. Научные чтения-2003*. Материалы. – СПб., 2004.
- Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. Адыгейские отрицания // *Кавказский лингвистический сборник*, Вып. 18 / отв. ред. М. Е. Алексеев. М: Academia, 2007.

Демонстративы в нивхском языке

Е. Ю. Груздева (Хельсинкский университет)

Нивхский язык принадлежит к числу так называемых «пространственных» языков, для которых характерно исключительно детализированное представление пространственной семантики. Одним из основных классов слов, в которых лексикализуются пространственные значения, являются демонстративы, которые, как правило, могут использоваться как в дейктической, так и в анафорической функции.

В докладе обсуждаются параметры, лежащие в основе анализа грамматики и семантики демонстративов, а именно их распределение по морфосинтаксическим классам, референциальные свойства, отсутствие/наличие указания на определенные характеристики референта, дейктические свойства, а также другие семантические признаки, которые оказываются релевант-

ными при описании конкретного класса (подкласса) демонстративов.

В нивхском языке зафиксировано более семидесяти демонстративов, которые могут быть отнесены к пяти морфосинтаксическим классам: (1) местоимения, (2) детерминанты (выступающие только в атрибутивной функции), (3) глаголы, (4) наречия, (5) частицы.

Дифференциация по референциальным свойствам характерна только для демонстративных местоимений, которые подразделяются на два подкласса: (а) объектные местоимения, референтом которых является объект (в широком понимании этого термина), и (б) локативные местоимения, референтом которых является место.

Демонстративы могут указывать на референт либо без какой-либо отсылки к его свойствам, либо с отсылкой к таким характеристикам референта (референтов), как качество, размер, количество и положение в пространстве. Так, объектные демонстративные местоимения подразделяются на четыре группы: (i) неспециализированные местоимения, (ii) качественные местоимения, (iii) параметрические местоимения, (iv) количественные местоимения. Локативные местоимения по определению указывают на местоположение, однако на другие перечисленные выше характеристики референта указывать не могут.

Демонстративные детерминанты в свою очередь делятся на (i) неспециализированные детерминанты и (ii) качественные детерминанты. Демонстративные глаголы подразделяются на (i) качественные глаголы и (ii) параметрические глаголы. Демонстративные наречия делятся на (i) качественные наречия и (ii) локативные наречия.

Дополнительные семантические характеристики интегрированы в систему демонстративов следующим образом. Видимость/невидимость референта оказывается релевантной для объектных неспециализированных местоимений и детерминантов. Степень вежливости является классифицирующим параметром для всех качественных демонстративов в восточно-сахалинском диалекте. Больше/меньше количество референтов выражается в амурском диалекте различными формами объектных количественных местоимений. Наконец, локативные местоимения делятся на разные типы в зависимости от точности/неточности указания на то или иное место.

Далее демонстративы могут быть проанализированы в соответствии с их дейктическими свойствами. В нивхском языке демонстративы образуют дистантно ориентированную эгоцентрическую систему, дейктическим центром которой является говоря-

щий. Эта система подразделяется на бинарную и множественную дейктические системы.

Бинарная система с противопоставлением 'проксимальной' и 'непроксимальной' пространственных зон характерна для большинства демонстративов.

Множественная система объединяет первичную и вторичную системы. Первичная система охватывает 'проксимальную', 'близкую', 'срединную', 'отдаленную' и 'далекую' зоны. Встроенная в первичную вторичная система указывает на противопоставление 'близкой', 'срединной' и 'далекой' зон в пределах каждой первичной зоны. Объектные неспециализированные местоимения, локативные наречия и частицы используют только первичную систему, тогда как локативные местоимения как первичную, так и вторичную системы.

К классу демонстративов также условно можно отнести так называемые квазидемонстративы, которые не употребляются в дейктической функции, а используются только для передачи анафорических отношений. К ним относятся в нивхском языке квазидемонстративный детерминант и квазидемонстративный глагол.

Феномен глагольного формообразования в вепсской грамматике

*Н. Г. Зайцева (Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН)*

Принцип маркированности форм цепочкой словоизменятельных аффиксов для языков агглютинативного типа, к каковым относятся прибалтийско-финские языки, чрезвычайно важен, хотя и является далеко не единственным показателем той или иной формы. Исторические развития звуков, явления сингармонизма и чередования ступеней согласных, а также прочие чередования размывают основу имен и глаголов, все шире вовлекая в процесс построения форм явления внутренней флексии.

Как показывает анализ, в построении форм в истории вепсского языка действовали две взаимоисключающие закономерности:

1) стремление к *сокращению* отдельных словарных форм и показателей, что более всего характерно для грамматики именного словоизменения (исчезновение старой формы суперлатива, крайнее сужение сферы употребления притяжательных суффиксов, слияние по форме некоторых падежей, отсутствие маркированности аккузатива и т. д.);

2) стремление к *наращиванию* формальных показателей в системе глагольного словоизменения, четкому их представительству и сохранению.

Сокращению протяженности словарных форм, их стяжению и на этой почве слиянию способствовал закон отпадения конечных гласных звуков многих многосложных слов, а также тех двусложных, первый слог которых был исторически долгим, закрытым или оканчивался на дифтонг, регулярные и нерегулярные внутренние выпадения звуков в некоторых позициях (например, перед *-h-*) и т. д. Функционирование языка только в устной форме при отсутствии сдерживающего момента орфографии содействовало разрушению и исчезновению некоторых форм.

Тем не менее, вепсский язык в данной ситуации проявил исключительную способность не только к сохранению грамматических форм, но даже и к наращиванию их количества. Эта способность феноменально отразилась в системе глагольного словоизменения, в котором исторически сложились:

1) иная оппозиция глагольных основ: на фоне родственных прибалтийско-финских одноосновных и двухосновных глаголов возникли трехосновные глаголы, а также глаголы с двумя гласными основами;

2) маркирование в отрицательной конструкции обоих участников отрицания: отрицательного глагола лично-числовыми показателями, как и в прочих прибалтийско-финских языках, и основного (смыслового) глагола особым показателем *-koi* (*-goi*), который отсутствует в родственных языках;

3) появление возвратного спряжения со стройной системой особого рода лично-числовых окончаний ед. и мн. числа, которое при своем возникновении использовало уже имеющийся в языке строительный материал из словоизменения имени и глагола (показатель пассива и притяжательные суффиксы), а также, возможно, русский рефлексивный постфикс *-ся* (*-сь*);

4) развитие в южновепсском диалекте наряду с имперфектом, перфектом и плюсквамперфектом особого претерита на *-ške*, аналоги которого не найдены ни в одном из родственных языков;

5) существование в отличие от родственных языков в кондиционале с его ирреальным действием четырех форм времени, среди которых особое место занимает сугубо вепсский раритетный показатель имперфекта *-nuiži*;

6) стремление облечь футуральное значение в особую форму с суффиксом *-škande* в противовес родственным языкам, где в этом значении используется семантика глаголов и воз-

- (3) *Mut* *həwəki-du* *həhən-ŋət*
 1PL.INCL.EXT бог-DAT рассказать-IMP.1PL.INCL
bolgisa-d'a-ri-wa-n
 обижать-IPFV-PTPROC-ACC.D-POSS.3.SG
 'Мы (=я с вами) богу давайте расскажем, как нас обижает он'.

В примере (1) значение 'мы с тобой' ясно из контекста (беседует супружеская пара росомах), в примере (2) минимальный инклюзив подчеркивается собирательной формой числительного 'вдвоем', напротив, в примере (3) контекстом задается расширенное значение инклюзива (говорящий обращается к собравшимся зверям, которых обижает гагара).

Если учесть, что у носителей чириндинского говора моложе 50-ти лет наблюдается тенденция к расшатыванию противопоставления эксклюзивных и инклюзивных форм, причем прежде всего это касается личных местоимений (форма эксклюзива *bi* имеет предпочтительное употребление независимо от того, входит ли в референтную группу слушающий), появление дополнительной оппозиции внутри инклюзива представляется довольно неожиданным.

Тем не менее, в 2008 г. в Туре и Тутончанах мы получили подтверждение семантической значимости противопоставления *mut* и *mit*, причем не от одного-двух, а от более чем десятка информантов. Поскольку в эвенкийских текстах личные местоимения встречаются довольно редко, при сборе материала мы использовали специально составленный опросник. Вот пример того, как информанты объясняли отличие *mit* от *mut*: «*Mit* – это мы с тобой, ну, или мы трое, я, ты и еще кто-то, а *mut* – это много нас, общество». Все информанты, выдавшие самостоятельно или опознавшие обе формы инклюзивного местоимения 1PL и объяснившие различие в употреблении этих форм, представляли старшее поколение и были выходцами с фактории Агата на северо-западе Эвенкии, ликвидированной в конце 1970-х гг., или из ее окрестностей. Большинство жителей Агаты были переселены как раз в Чиринду и Тутончаны, некоторые попали в Туру.

Возникает вопрос, является ли обнаруженная в северо-западных эвенкийских говорах оппозиция минимального / расширенного инклюзива инновацией, возникшей после 1930–1940-х гг. и поэтому не зафиксированной в существующих описаниях этих говоров, или она просто не была в свое время замечена исследователями. Обращение к текстам, записанным Г. М. Василевич в этом регионе в 1930-е гг. [Василевич 1936], демонстрирует наличие обоих вариантов инклюзивного местоимения, причем *mit* встречается гораздо чаще, чем *mut*, в основном

в лирических песнях, где имеет значение ‘мы с тобой’, что соответствует нашим сегодняшним данным. К сожалению, малое количество примеров употребления формы *mit* в старых текстах (два случая) не позволяет с уверенностью говорить о значении этой формы, но все же можно, как нам кажется, предположить, что и в 1930-е гг. оппозиция минимального / расширенного инклюзива на северо-западе Эвенкии уже существовала.

Литература

- Василевич Г. М. *Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору*. Л., 1936.
- Василевич Г. М. *Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка*. Л.: Учпедгиз, 1948.
- Василевич Г. М. *Эвенкийско-русский словарь*. М., 1958.

Как изменяются традиционно неизменяемые части речи в енисейских языках¹

Е. А. Крюкова (Томский государственный педагогический университет)

Языки енисейской семьи – кетском, югском и коттском – материалы по которым собраны в таком объеме, чтобы по ним можно было проводить лингвистические исследования, обнаруживают такую типологическую черту, как неразделение атрибутов в широком смысле (приименных и приглагольных определителей) на два традиционных класса: прилагательные и наречия. В наших исследованиях мы рассматриваем приименные и приглагольные определители как единый класс слов-определителей (далее СО), которые отличаются по своим функциональным и морфологическим признакам от других классов слов.

В докладе речь пойдет о группе приглагольных СО, которые, в отличие от традиционно выделяемых наречий в индоевропейских языках, могут употребляться в предикативной функции и маркироваться при этом специальными аффиксами, указывающими на род/класс, лицо и число определяемого слова.

¹ Исследование выполняется при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Экспедиционные исследования в западной Сибири: сбор фольклорных и бытовых текстов», проект № 10-04-64760 е/Т.

К этой группе относятся следующие приглагольные определители:

кет. *kis'èŋ* 'здесь / здешний', *əŋta* 'сзади / задний', *bil'* 'далеко / далекий', *qasèŋ* 'там / тамошний', *tus'èŋ* 'тут / тутошний', *qā* 'дома', *s'ɔ̀ŋ / su:ŋ* 'там';

юг. *χār* 'дома', *bʰ:r* 'далеко', *kadagej* 'там', *kidagej* 'здесь', *tudagej* 'тут';

котт. *pil* 'далеко', *ini* 'здесь', *uni* 'там', *huɕapeŋ* 'дома'.

кет. *kis'èŋ-di* юг. *χab-feŋ* котт. *in'-a*

здесь-1SG дома-3PL здесь-3неодуш.
'Я здесь.' 'Они дома.' 'Это здесь.'

Предикативные аффиксы, которыми оформляются енисейские СО, полностью или частично совпадают с личными показателями глаголов (см. таблицу ниже).

Таблица. Личные показатели глаголов и предикативные аффиксы СО в енисейских языках

	кетский		югский		коттский	
	лич. показат.	прд. афф.	лич. показат.	прд. афф.	лич. показат.	прд. афф.
1 л. ед.ч.	di-	-di	di-	-di [?]	-aŋ	-taŋ
2 л. ед.ч.	ku-	-ku	ku-	-ku [?]	-u	-u
3 л. м.р. ед.ч.	du-	-du	du-	-du [?]	∅	-tu
3 л. ж.р. ед.ч.	da-	-da	dɬ-	-da [?]	∅	-ta
3 л. неодуш. (ед. и мн.ч.)	dɬ-	-am	dɬ-	-ɛ [?]	∅	-a
1 л. мн.ч.	di- ... n	-daŋ	di- ... n	-dɬŋ	-toŋ	-toŋ
2 л. мн.ч.	ku- ... n	-kaŋ	ku- ... n	-kɬŋ	-oŋ	-oŋ
3 л. мн.ч.	du- ... n	-aŋ	du- ... n	-eŋ	∅	-aŋ

Как показывает таблица, во всех трех языках предикативные суффиксы в целом совпадают, различаясь лишь в первом лице единственного числа.

Предикативные суффиксы приглагольных определителей, употребляемые со словами с локативным значением, типа 'здесь', 'дома', 'сзади' и т.д., являются редким типологическим явлением.

Две фонологические редкости в диалектах ижорского языка ¹

Н. В. Кузнецова (ИЛИ РАН)

Фонология ижорского языка, насчитывающего около 150 носителей, является крайне нетривиальной на типологическом фоне. Сохранившиеся до сих пор ижорские диалекты, сойкинский и нижнелужский, демонстрируют по крайней мере два редких фонологических явления. Отметим, что фонологические системы этих диалектов существенно различаются между собой.

В системе сойкинского диалекта наблюдается редкое явление, обычно называемое «тернарным контрастом количества» (см., например, [Ladefoged, Maddieson 1996: 93, 320; Blevins 2004: 201–202]). Наиболее наглядно его можно проиллюстрировать для согласных в интервокальной позиции перед продленным гласным: [ka·nà] ² ‘курица’ vs. [ka·ñnà] ‘курица.ILL.SG’, [li·nnà ~ li·ñnà] ‘город.ILL.SG’.

Однако подобный контраст согласных оказывается связан с контрастами окружающих их гласных 1-ого и 2-ого слогов. В сойкинском диалекте фонологически противопоставлены не просто долгие и краткие сегменты, а в большей степени пропорциональные схемы распределения количества в 1–3-сложной стопе. Поэтому я предлагаю описание, в котором имеется бинарная оппозиция долгих и кратких фонем, а также тернарная оппозиция т. н. «стопических акцентов» (легкого /'/, тяжелого /'/ и сверхтяжелого /''). Фонетическими коррелятами акцентов являются морфологически связанное ударение на первом слоге стопы и указанные схемы распределения количества. Например, фонологическая запись указанных словоформ при акцентной интерпретации принимает вид: k'ana vs. k'anã vs. l'inã.

В южных говорах нижнелужского диалекта представлена другая типологическая редкость – фонологический контраст обычных и т. н. «глухих» гласных (см. в т.ч. [Jakobson 1987: 138–139; Ladefoged, Maddieson 1996: 315; Gordon 1998; Blevins 2004: 199–201]). «Глухие» гласные произносятся шепотом, без участия голосовых связок (ср. [Laver 1994: 189–191]): [ku·kkõ] ‘петух’ vs.

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, гранты № 08-04-00172а, 08-04-00152а.

² Для фонетической записи используется финно-угорская фонетическая транскрипция.

[ku·kko] ‘петух.ILL.SG’. Глухие гласные являются одновременно редуцированными и нередко выпадают в потоке речи. Они сформировались в определенных просодических позициях из этимологически кратких гласных. При этом они оказались противопоставлены обычным кратким гласным, которые развились в тех же позициях из этимологически продленных аллофонов, ср. в сойкинском диалекте: [ku·kko] ‘петух’ vs. [ku·kkò ~ ku·kkò] ‘петух.ILL.SG’.

Южные говоры нижнелужского диалекта являются наиболее инновационными с фонологической точки зрения идиомами ижорского языка. Редукция неначальных гласных достигает в них максимальной степени. Сойкинский диалект имеет в целом более консервативную фонологию, чем нижнелужский диалект. Однако в ней имеется ряд инноваций, неизвестных нижнелужскому диалекту, которые, наоборот, связаны с более интенсивным развитием продлений гласных и согласных в определенных позициях.

Отчасти противоположенные векторы развития сойкинского и нижнелужского диалектов ярко проявляются на примере указанных выше редких явлений в их фонологии. Фонологическая система сойкинского диалекта с типологической точки зрения представляет собой крайнюю точку развития долготы – более трех фонологически значимых «степеней долготы» в языках мира не зафиксировано. Система южных говоров нижнелужского диалекта, напротив, демонстрирует крайнюю возможную степень развития редукции – сверхкраткие оглушенные гласные. Следующим этапом развития подобных гласных является уже только полное их исчезновение. В этом смысле фонология говоров ижорского языка демонстрирует уникальную по своей широте степень типологического варьирования в близкородственных идиомах.

Литература

- Blevins J. *Evolutionary Phonology. The Emergence of Sound Patterns*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Gordon M. The Phonetics and Phonology of Non-Modal Vowels: A Cross-linguistic Perspective // *Berkeley Linguistics Society* 24. 1998. P. 93–105.
- Jakobson R. *Selected Writings. VIII*. Completion vol. 1. Berlin: Mouton de Gruyter, 1987.
- Ladefoged P., Maddieson I. *The Sounds of the World's Languages*. Oxford; Cambridge: Blackwell Publishers, 1996.
- Laver J. *Principles of Phonetics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Сандхи и нулевой префикс в нивхском языке

Вяч. С. Кулешов (ИЛИ РАН)

§1. Нивхский язык (НЯ; здесь и далее – данные мачулинского говора амурского диалекта, информант Е. К. Ланина 1928 г. р.) является агглютинативным, но заметно выделяется на фоне агглютинативных языков Северной Евразии типологически необычной системой неавтоматических чередований (сандхи) шумных согласных, принесших НЯ славу «дальневосточного кельтского». Условия этих чередований таковы:

(1) на стыках морфем внутри словоформ и на стыках словоформ внутри фоносинтагм чередуется первая согласная правой морфемы. Внешними сандхи признаются чередования на стыках «объект + предикат» (объект входит в фоносинтагму предиката) и «атрибут + определяемое» (атрибут входит в фоносинтагму определяемого);

(2) в частности, в словоформах переходных глаголов чередование первой согласной корня происходит при присоединении объектных префиксов.

Нивхские сандхи, несмотря на сильную корреляцию с фонологическим контекстом, – явление не фонологического, а морфонологического уровня. Выбор типа чередования в анлауте правой морфемы определяется признаком синтактики левой морфемы: «морфонологический класс: I (чередование отсутствует) vs. II (напряженные смычные $n^c, m^c, t^c, k^c, ʃ^c$ переходят в глухие напряженные фрикативные $ɸ, p^c, c, x, ʒ$, ненапряженные смычные $n, m, t, k, ʃ$ переходят в звонкие фрикативные $v, p, z, ʒ, ʒ$) vs. III (напряженные смычные не подвергается чередованию, ненапряженные смычные переходят в звонкие смычные $b, d, db, z, ʒ$)». На уровне пранивхской реконструкции морфемам м. к. I соответствуют морфемы, оканчивающиеся на шумные согласные (ПН $*p, *t, *c, *k$), м. к. II – оканчивающиеся на гласные, м. к. III – оканчивающиеся на носовой (ПН $*N$, позиционно – $*m, *n, *ŋ, *ŋ$).

§2. Базовой морфологической стратегией НЯ является аффиксация: суффиксы используются для выражения большинства грамматических значений, префиксы – исключительно в сфере объектного и посессивного маркирования (посессивные префиксы могут трактоваться, правда, и как проклитики). Набор объектных префиксов НЯ обслуживает пять значений: 1.SG, 2.SG, 3.SG, рефлексив и реципрок. Выбор алломорфа префикса определяется признаком синтактики соответствующего глагольного корня: «словоизменяемый класс: A vs. B» и (только для глаголов с. к. B) «гармонический класс: 1 vs. 2».

словоизменительный класс	А	В	
гармонический класс		1	2
1.SG	<i>нб-</i> (м. к. II)	<i>нбу-</i> (м. к. II)	<i>нбэ-</i> (м. к. II)
2.SG	<i>ч'-</i> (м. к. II)	<i>ч'и-</i> (м. к. II)	<i>ч'э-</i> (м. к. II)
3.SG	<i>Ø-</i> (м. к. II), <i>й-</i>	<i>и-</i> (м. к. II)	<i>э-</i> (м. к. II)
REFL	<i>н'-</i> (м. к. II)	<i>н'и-</i> (м. к. II)	<i>н'э-</i> (м. к. II)
RECIP	<i>в-</i>	<i>у-</i> (м. к. II)	<i>о-</i> (м. к. II)

В НЯ выделяется нулевой префикс – алломорф объектного маркера 3.SG. Дистрибуция нулевого и ненулевого алломорфов этого объектного маркера определяется правым фонологическим контекстом: вариант *й-* сочетается с корнями, начинающимися на гласный или ларингал *х*, нулевой вариант – с корнями, начинающимися на согласный (кроме *х*). Наиболее важные особенности нулевого префикса – его частотность и морфонологическая активность: принадлежа к м. к. II, он контролирует фрикативизацию в анлауте соответствующего глагольного корня.

Объектные префиксы НЯ не могут трактоваться как проклитики в силу своего агрессивного морфонологического поведения, превышающего нормальную морфонологическую активность словоформ при внешних сандхи: они контролируют выбор алломорфов корней в словоформах глаголов с. к. В: *и_{II}-э_{III}-дб_{II}* vs. *Х_I-к'у_{III}-дб_{II}* 'убивать X', *и_{II}-дб_{III}-дб_{II}* vs. *Х_I-нбры_{III}-дб_{II}* 'видеть X', *и_{II}-рзукс_{II}-тб_{II}* vs. *Х_I-т'хукс_{II}-тб_{II}* 'запнуться об X', *э_{II}-гри_{III}-дб_{II}* vs. *Х_I-к'ре_{III}-дб_{II}* 'грызть X', *э_{II}-згой_{III}-дб_{II}* vs. *Х_I-ч'хойу_{III}-дб_{II}* 'стирать X', *э_{II}-сп_{II}-тб_{II}* vs. *Х_I-ч'ев_{III}-дб_{II}* 'колоть X'. Заметим, что объектные маркеры со значением неединственности (*меги_{II}* 1.DU, *мер_{III}* 1.PL.INCL, *нбыу_{III}* 1.PL.EXCL, *ч'ыу_{III}* 2.PL, *иму_{III}* 3.PL) – полноценные местоименные словоформы, входящие в фоновсинтагму предиката, но не вызывающие «глубоких» чередований в глагольной словоформе.

§3. Словоизменительные классы глаголов соответствуют реконструируемым пранивхским тональным парадигмам А (с высоким тоном первой моры корня) и в (с низким тоном первой моры корня), контролирующим выбор соответственно низкого и высокого тона объектного префикса. Для ПН реконструируются следующий инвентарь объектных префиксов:

	корень			
тональная парадигма	А (анлаут *CV ¹ -)		В (анлаут *CV ₁ -)	
гармонический класс	1 (*V ¹ = i ¹ , ə ¹ , u ¹)	2 (*V ¹ = e ¹ , a ¹ , o ¹)	1 (*V ₁ = i ₁ , ə ₁ , u ₁)	2 (*V ₁ = e ₁ , a ₁ , o ₁)
	префикс			
1.SG	*ni ₁	*ne ₁	*ni ¹	*ne ¹
2.SG	*ci ₁	*ce ₁	*ci ¹	*ce ¹
3.SG (*C = ʔ, h)	*j	*j	—	—
3.SG (кроме *C = ʔ, h)	*ʔi ₁	*ʔe ₁	*ʔi ¹	*ʔe ¹
REFL	*p:i ₁	*p:e ₁	*p:i ¹	*p:e ¹
RECIP (*C = ʔ, h)	*w	*w	—	—
RECIP (кроме *C = ʔ, h)	*ʔu ₁	*ʔo ₁	*ʔu ¹	*ʔo ¹

Вывод современной системы из ПН осуществляется по правилу падения гласных в морях низкого тона: ПН *V₁ > нивх. Ø, ПН *V¹ > нивх. V. В частности, современный нулевой префикс 3.SG Ø_{П-} < ПН *ʔi₁, *ʔe₁, например: нивх. Ø_{П-}фув_{III}-дб_{II} ‘пилить’ < ПН *ʔi₁-p:u¹рл₁-h-é₁ (ср. n‘yв_{III} ‘пила’ < ПН *p:u¹рл₁-η), нивх. Ø_{П-}за_{III}-дб_{II} ‘бить’ < ПН *ʔe₁-ca¹-h-é₁ (ср. тьас_I ‘колотушка’ < ПН *ca¹-é). В результате падения гласных в морях с низким тоном в позднем ПН одновременно с префиксом 3.SG Ø_{П-} должен был развиться еще один нулевой префикс Ø_{П-} ‘RECIP’ < ПН *ʔu₁, *ʔo₁, но он полностью утрачен в современном НЯ: нивх. формы RECIP (только с ненулевыми префиксами в-, y_{П-} и o_{П-}) возможны только у глаголов с. к. В и у тех глаголов с. к. А, которые имеют в анлауте гласный (< ПН *ʔV¹-) или ларингал x (< ПН *hV¹-), например: нивх. в-ор_{III}-дб_{II} ‘встречаться друг с другом’ < ПН *w-o¹л₁-h-é₁ (при й-ор_{III}-дб_{II} ‘встречать X-а’ < ПН *j-o¹л₁-h-é₁), нивх. y_{П-}ды_{III}-дб_{II} ‘видеться друг с другом’ < ПН *ʔu¹-h₁тə¹-h-é₁ (при u_{П-}ды_{III}-дб_{II} ‘видеть X’ < ПН *ʔi¹-h₁тə¹-h-é₁).

Контрастная рестриктивность в тантынском даргинском¹

Ю. А. Ландер (Институт востоковедения РАН)

Одной из отличительных особенностей ряда дагестанских языков является морфологическая «категория рестриктивности», которая в [Богуславская 1989: 24] описывается следующим образом: «употребление определения со специальным показателем [рестриктивности] возможно только в том случае, когда определяемый им объект [...] мыслится в составе множества подобных ему объектов [...] и выделяется из этого множества по признаку обладания свойством, описываемым посредством определения» (см. также [Boguslavskaja 1995]). Впрочем, такое использование термина *рестриктивность* не вполне канонично [Зализняк, Туровский 1984], и далее будет говориться о *контрастной рестриктивности* – поскольку эта категория почти всегда предполагает наличие контраста.

Насколько известно автору, регулярное морфологическое выражение контрастной рестриктивности не зафиксировано за пределами Дагестана. Далее предлагается краткое описание данной категории в даргинском говоре села Танты (Акушинский район, Республика Дагестан).

В тантынском даргинском контрастная рестриктивность маркируется суффиксами *-il* в единственном числе и *-te* во множественном числе; ср. *dam bič:aqid berkubil dig* ‘Мне нравится СУШЕНОЕ мясо [а не свежее]’, *q:ıvate gursbe bačib* ‘КРАСИВЫЕ девушки пришли [остальные не пришли]’. Противопоставление по числу в данном случае тем более интересно, что неконтрастные определения по числу с определяемым не согласуются (исключение составляют определения, содержащие классно-числовой показатель, и указательные местоимения).

Показатели контрастной рестриктивности присоединяются не только к прилагательным и причастиям, но и к падежным формам, функционирующим в качестве определений, например, к эссивной форме ‘в Махачкале’ в *dali maħačqalabil qalı bič:ıbda* ‘Я продал тот дом, КОТОРЫЙ В МАХАЧКАЛЕ’ и к генитивам ‘мой’ и ‘твой’ в *dilajil uc:ılı ʔaʔajil uc:i weħwarq’ib* ‘МОЙ брат позвал ТВОЕГО брата’. Более того, использование маркера контрастной рестриктивности не ограничено определениями, но встречается и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ (проект № 10-04-00228а).

на адвербиальных формах (e.g., niš:iš:u *dawlačeblete* čarbuqun ‘Они вернулись к нам (еще) БОГАТЫМИ [сейчас они бедные]’) и на сказуемых (e.g., hiž muq’ara *c’ubil* sab ‘Этот ягненок – БЕЛЫЙ [а не другого цвета]’). Наконец, отдельные носители допускают присоединение -il и -te к существительным в функции актантов: *murgulil* us:iž *kajs:un* ‘МУЖ [а не жена] пошел спать’. Некоторые прилагательные и кванторные слова в сочетании с показателем рестриктивности лексикализовались: *kuq:il* ‘левый’, *kamil / kamte* ‘меньшая часть’, *imc’ajil / imc’ate* ‘большая часть’.

Как видно из приведенных примеров, семантика тантынской категории контрастной рестриктивности, строго говоря, не может быть сведена к выбору конкретного референта из множества. Хотя данное значение, по-видимому, является прототипическим для контрастной рестриктивности, ее показатели встречаются и в контекстах, не допускающих конкретную референцию (по крайней мере в традиционном понимании), – на сказуемых и на вторичной предикации (см. выше), а также в бытийных предложениях (ср. š:ilic:ed *urcullate* *qurle led* ‘В селе есть ДЕРЕВЯННЫЕ дома [помимо каменных]’). С другой стороны, те же маркеры встречаются и в контекстах, на первый взгляд не предполагающих и контраст, – например, в восклицаниях: ah, ʔa’bra *q:ukajil* *gursi* ‘Ах, какая КРАСИВАЯ девушка!’ Очевидно, подобные употребления свидетельствуют о прагматикализации категории, сопровождаемой увеличением расплывчатости ее семантики.

Литература

- Богуславская О. Ю. Об одном смысловом и формальном противопоставлении в дагестанских языках: категория рестриктивности // *V Всесоюзная школа молодых востоковедов*. Тезисы. Т. II: Языкознание. М.: Наука, ГРВЛ, 1989. С. 24–27.
- Зализняк Анна А., Туrowsкий В. В. О месте категории рестриктивности среди смежных явлений // *Лингвистические исследования*. Ч. I. М., 1984. С. 113–121.
- Boguslavskaja O. Ju. Genitives and adjectives as attributes in Daghestanian // *Double Case: Agreement by Suffixaufnahme* / Ed. by F. Plank. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 230–239.

Отрицательные и утвердительно-эмфатические конструкции с глаголом *нись* в ненецком языке

М. Д. Люблинская (ИЛИ РАН)

В грамматическом описании языка при Ненецко-русском словаре [НРС 1966] отмечена существенная особенность лексики: «Антонимами могут быть не только разные слова, но и разные значения внутри одного слова. Например, слово *ибцяда* ... означает и 'горький', и 'сладкий' ... Можно говорить о синтаксических антонимах... Например, глагол *нись* может выражать как отрицание, так и утверждение.

- (1) *Таня' ни:ра' нягу'*.
ни:2/2pl

'Вы туда не отправитесь (букв. не начнете).'

Не нюкцяеми танямна ни: ядэр'

ни:1/3sg

Дочка-моя-бедняжка по-тому-месту не ходит

Ср. *Пыдара' яни' яханда' ни:ра-м' нягу'*.

ни:2/2pl

'Вы в другую землю отправитесь ведь.'

Маньен нюкцяеми яни явна ни:в' ядэр'.

ни:1/3sg

'Дочка-моя-бедняжка по другой земле ведь ходит.'» [НРС 1966: 938]

Приведем еще несколько примеров утвердительных конструкций (написание первоисточника):

- (2) *Нудн'и вадаңгу' ни:ву-в.*
ни:2/1sg

'Вот выращу себе сыночка.' [КД 1940: 40]

- (3) *Тюку хой' нид илебцям' манэ' ивась сэв' вэва' яэ'* *ни:м'*
ни:1/3pl

'С этого холма я увидел бы оленя, да глаза плохи ведь.' [НРС 1966: 901]

- (4) *Еся пыңгэ' ни' сидя ярка пенда та' лабцэ'* *ни:в'*
ни:1/3sg

'На железные качели две большие-свои ладони положил ведь.' [НРС 1966: 62]

- (5) *Тикы яхад Сэр'я' тэта пэдалари'' ни:м'.*
ни:3/3sg
 'С этого места Хозяин Ледяного острова только поехал.'
- (6) *Сэр'я' тэта Сэлха пэцекэм' ... илебте'' ни:да-в'*
ни:2/3sg
 'Хозяин Ледяного острова Светловатого парня оживил его.'

По этим примерам сразу можно сказать, что в утвердительном значении вспомогательный глагол изменяется по всем трем типам спряжения, что определяется значением смыслового; но все-таки это квазиомонимичные конструкции: в утвердительных конструкциях он обычно, но не обязательно, стоит после смыслового и присоединяет сегмент *-в'* после личного показателя.

Такие конструкции являются самыми «экономными» по использованию компонентов среди свойственных северносамодийским языкам пар антонимичных глаголов, например, ненецкие: *таня-сь/япго-сь* 'иметься/отсутствовать', *тенева-сь/ехэра-сь* 'знать/не знать', *мене-сь/сэхэда-сь* 'любить/ненавидеть' и др.

Аналогичные «антонимичные» конструкции с глаголами *нисы* и *изи* отмечены и в других северо-самодийских языках – нганасанском и энецком. Можно предположить, что исходно этот глагол имел некоторое общее «над-значение», подобно лексемам, о которых сказано выше, которое проявляется как 'иметься' или 'отсутствовать' в зависимости от контекста.

Условные обозначения

- 1/ – субъектный тип спряжения
- 2/ – субъектно-объектный тип спряжения
- 3/ – субъектно-безобъектный тип спряжения
- Sg – единственное число
- pl – множественное число

Литература

- НРС 1966 – Н. М. Терещенко. *Ненецко-русский словарь*. С приложением краткого грамматического очерка ненецкого языка. М.: Советская энциклопедия. 1965.
- КД 1940 – Н. М. Терещенко. *Категория определенности в ненецком языке*. Л. 1940 / Личный архив Н. М. Терещенко. ИЛИ РАН.

Рост синтетизма в системе таксисных конструкций алюторского языка

А. А. Мальцева (Институт филологии СО РАН)

В докладе анализируются изменения, произошедшие в системе таксисных конструкций (далее – ТК) северо-восточного диалекта алуторского языка с 1950-х гг. по настоящее время.

Таблица 1. Данные о корпусе текстов на северо-восточном диалекте алуторского языка (число словоформ)

Современные тексты		Тексты 1950-х гг.	
Экспедиционные записи автора, 1992–2008 гг.	130005	Экспедиционные записи И. С. Вдовина, 1955 г., в т.ч.	
Нагаяма, 2003	7318	Архивные материалы	47803
Язык и фольклор алуторцев, 2000	4521	Язык и фольклор алуторцев, 2000	7978
Килпалин, 1993	4796		
Жукова, 1988	3726		
Всего	150366	Всего	55781

ТК в текстах на алуторском языке встречаются редко, и их частотность уменьшается: в текстах 1950-х гг. – примерно одно предложение из 30, в современных текстах – одно предложение из 100.

ТК алуторского языка бывают трех типов: аналитические, аналитико-синтетические и синтетические. Аналитические и аналитико-синтетические ТК преимущественно выражают отсутствие кореферентности между участниками главного и зависимого событий, синтетические ТК связаны с передачей разных типов кореферентности. Употребительность аналитических и аналитико-синтетических конструкций и количество аналитических средств связи со временем снижается, а частотность синтетических конструкций разных семантических типов и количество инфинитных форм деепричастного типа, выступающих в качестве предикатов зависимой части ТК, – пропорционально возрастает. В наибольшей степени тенденция использования синтетических средств связи затрагивает конструкции с семантикой одновременности, которые за полвека стали наиболее частотным семантическим типом ТК.

Таблица 2. Соотношение структурных типов ТК

	Тексты 50-х гг.		Современные тексты	
	Абс.	%	Абс.	%
Аналитические	260	69,7	135	38,8
Синтетические	87	23	197	56,6
Аналитико-синтетические	31	7,3	16	4,6
Всего	378	100	348	100

Таблица 3. Соотношение структурных и семантических типов ТК

	Тексты 50-х гг.						Современные тексты					
	Одновр.		След.		Предш.		Одновр.		След.		Предш.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Аналитические	57	46	199	89,2	4	12,9	27	15,5	104	69,8	4	16
Синтетические	56	45,2	19	8,5	12	38,7	138	79,3	42	28,2	17	68
Аналитико-синтетические	11	8,8	5	2,3	15	48,4	9	5,2	3	2	4	16
Всего	124	100	223	100	31	100	174	100	149	100	25	100

Возможным объяснением возрастания синтетизма и частотности конструкций с семантикой одновременности в системе ТК является перестройка механизма кореферентности в аллюторском языке. В условиях утраты культурного фона, позволяющего правильно интерпретировать имплицированных партиципантов зависимых действий, резко сократилось количество ТК, между предикативными единицами которых нет кореферентности, прежде всего аналитических. Это привело к изменению соотношения структурных типов ТК и существенному возрастанию количества и частотности синтетических конструкций, в том числе конструкций с семантикой одновременности, которые преимущественно являются синтетическими. Тенденция усиливается за счет влияния функционально сходных русских моносубъектных деепричастных конструкций.

Взаимоотношение между морфологическим фокусом и тональной выделенностью в тундренном юкагирском языке

*Д. Матич (Институт им. Макса Планка, Неймеген),
С. Оде (Амстердамский университет)*

В исследованиях по языкам с морфологическим маркированием фокуса, в описании актуального членения, как правило,

мало внимания уделяется взаимоотношению между просодией и морфологией. В этом отношении тундренный юкагирский язык (далее: ТЮ) по своей природе является прекрасным материалом для изучения этого взаимоотношения.

В этом языке морфологическое маркирование фокуса на субъекте непереходного глагола и на прямом объекте реализуется с помощью специального падежа и специального согласования глагола. Например:

- (1) *Eguojie kin-ek jaqte-te-l?*
 tomorrow who-foc sing-fut-sub.foc
Apanala:-lej jaqte-te-l.
 old.woman-foc sing-fut-sub.foc
 ‘Кто будет петь завтра?
 Старуха будет петь.’
- (2) *Ivan kin-ek juo-mele?*
 Ivan who-foc see-3sg.obj.foc
Tude-l apanala:-lej juo-mele.
 3sg-nom old.woman-foc see-3sg.obj.foc
 ‘Кого Иван увидел?
 Он увидел старуху.’

Главный вопрос данного исследования заключается в том, наблюдается ли в произношении слов с морфологическим маркированием фокуса особая тональная выделенность, т. е. такая, которая реализуется с помощью высоты тона: внезапных изменений в движениях высоты тона. Кроме того, нас интересует отношение между тонально выделенными словами с маркированием фокуса и без маркирования фокуса. Чтобы ответить на эти вопросы, мы поставили следующий эксперимент. Во время лингвистической экспедиции мы записали вопросы и ответы с десятью типами фокуса, пять без контраста и пять с контрастом: 1) на субъекте, 2) на объекте, 3) на косвенном дополнении, 4) на глаголе, 5) на всем высказывании.

Итак, мы записали у четырех носителей ТЮ языка 33 пары вопросов-ответов, т. е. 132 пары, 264 предложения. Используя программу *PRAAT* для обработки и анализа речевого сигнала, мы провели инструментальный и перцептивный анализ данных пар. На основе предварительного анализа мы пришли к выводу о том, что в вопросах интонация имеет коммуникативную функцию именно вопроса, а вопросительное слово, даже если оно маркируется фокусом, специально не выделяется. Наоборот, в ответах говорящие удивительно единогласно выделяют с помощью высоты тона маркированные фокусом слова. Мы пока не проверяли,

есть ли разница между парами с контрастом и без контраста, т. е. влияние контраста на реализацию тональной выделенности в ответах отсутствует.

В нашем докладе мы будем обсуждать этот раритет: независимо от наличия или отсутствия контраста, морфологический фокус обязательно связан с тональной выделенностью в декларативном типе предложения, в отличие от вопросительного типа предложения.

Типологическое своеобразие прилагательных в алюторском языке

И. А. Муравьева (РГГУ)

В алюторском языке¹ существует грамматический класс лексем, которые принято называть прилагательными. Помимо этого класса, здесь, как и во многих других языках, имеются группы слов (местоименные прилагательные и пр.), которые по своим грамматическим характеристикам примыкают к собственно прилагательным. В совокупности эти группы образуют более обширный класс, который мы будем называть адъективами. Лексемы, входящие в этот класс, обладают целым рядом морфологических и синтаксических особенностей по сравнению с адъективами в других языках.

С точки зрения внешнего оформления, алюторские адъективы характеризуются особыми категориальными или словообразовательными показателями и специфическим набором словоизменяемых форм. Категориальные и словообразовательные показатели примечательны тем, что все они оканчиваются на последовательность *-in(a)*, которая является субморфом. Указанный субморф характерен (за небольшим исключением) практически для всех адъективов. Он встречается либо во всех типовых словоформах данного адъектива, либо только в формах 3 л. (обычно ед. ч. и дв. ч.). Каждая группа собственно прилагательных характеризуется своим особым показателем (суффиксом или циркумфиксом). Качественные прилагательные маркируются

¹ Алюторский язык – язык чукотско-камчатской языковой семьи. Многие из того, о чем говорится в настоящей работе про алюторский язык, верно и для близко родственных ему корякского и чукотского языков. См., например, [Скорик 1961; Жукова 1972].

категориальным показателем $n\text{-...-[}qin(a)\text{]}^1$. Относительные прилагательные (обычно они образуются от существительных) подразделяются на: 1) простые относительные – показатель $-kin(a)$; 2) притяжательные – показатели $-in(a)$ / $-ənin(a)$, $-ən(a)$ / $-tγin(a)$; 3) хабитивные – показатель $γa\text{-...-[}lin(a)\text{]}$; 4) каритивные – показатель $a\text{-...-}kəl^2[lin(a)]$. Маркеры относительных прилагательных трактуются обычно как словообразовательные показатели. Адъективы прочих групп обычно используют показатели относительных прилагательных.

Адъективы имеют характерный набор словоизменительных форм. На фоне того, что алюторские субстантивы имеют как падежно-числовые формы (среди падежей имеется номинатив и эргатив), так и лично-числовые (=предикативные) формы, адъективы предстают только в виде лично-числовых форм (лицо и число выражаются в них в виде кумулятивного суффикса). Помимо автономного употребления, основы большинства адъективов могут выступать также в инкорпорированном виде (см. ниже). Ср. примеры адъективов разных групп: $nə-katγu-jγət$ ‘сильный (я)’, $wajam-kina$ ‘речные (они)’, $qətav-ənina-t$ ‘принадлежащие Камаву (они двое)’, $γ-as^2ə-lin$ ‘с жиром, жирный (он)’, $a-rara-kəl^2ina-muru$ ‘без дома, бездомные (мы)’, $tənγət-qav-kina$ ‘десятые (они)’.

С точки зрения синтаксиса, исходно (то есть на глубинном уровне) алюторские адъективы встречаются в двух позициях: определительной и предикативной. Во фразе (то есть на поверхностном уровне) в роли предиката всегда выступает автономная словоформа, тогда как в роли определения она может быть употреблена только при существительном в номинативе (то есть когда это существительное выражает единственный актанта глагола или пациенс). Во всех прочих случаях адъектив обычно инкорпорирован. Отметим попутно, что не имеющие адъективного показателя количественные числительные синтаксически ведут себя как прилагательные.

В работе проводится сравнительный анализ употребления адъективов разных морфологических типов в указанных трех позициях (предикатив, согласованное определение, инкорпорация) на материале существующего корпуса алюторских текстов [Кибрик и др. 2000] и корпуса отдельных примеров.

¹ Часть показателя, указанная в квадратных скобках, встречается только в формах 3 л.

Литература

- Скорик П. Я. *Грамматика чукотского языка: Фонетика и морфология именных частей речи*. Ч. 1. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Жукова А. Н. *Грамматика корякского языка: Фонетика. Морфология*. Л.: Наука, 1972.
- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А. *Язык и фольклор аллюторцев*. М.: ИМЛИ РАН, "Наследие", 2000.

Некоторые ареальные редкости в ингерманландских финских диалектах

М. З. Муслимов (ИЛИ РАН)

0. Доклад посвящен двум редким особенностям некоторых финских диалектов Ингерманландии: глаголам с основой на *-oi* и императиву 2Р1 на *-kai*.

1. Глаголы с основой на *-oi* в литературном финском, большей части ингерманландских финских диалектов, нижнелужском ижорском могут иметь либо односложную основу *voi-* 'мочь', либо трехсложную *haravoi-* 'сгребать (граблями)'. Однако в говорах прихода Лииссиля мы обнаружили несколько глаголов с двусложной основой на *-oi*: *uskoi-* 'верить', *loikoi-* 'лежать', *viskoi-* 'бросать, разбрасывать', *hihoi-* 'точить (нож)', *takoi-* 'точить (косу), ковать, подковывать', *huhthoi-* 'полоскать (белье)'. Как правило, дифтонг сохраняется по всей парадигме, хотя у некоторых носителей лииссильского говора он может сохраняться только в презенсе. Следует отметить, что ни у одного из наших информантов не были представлены все 6 глаголов как глаголы с основой на *-oi*, и обычно один или два из этих глаголов имели основу на *-o*, например *hiho-*, *huhtho-*. За пределами прихода Лииссиля такого рода глаголы представлены только в Тюрё (дер. Илики, Ускуля, Сагомилъе, Ольгино, Сашино, Низино), Каприо (дер. Липово), Хиэтамьяки, Туутари и на юго-востоке прихода Кобрино. Чаще всего встречается глагол *uskoi-*, хотя и не во всех перечисленных приходах. Как правило, за пределами прихода Лииссиля только один из вышеупомянутых 6 глаголов может иметь основу на дифтонг, в то время как остальные глаголы имеют основу на *-o*, попадая тем самым в самый многочисленный морфонологический класс одноосновных глаголов с основой на краткий гласный. Нирви [Nirvi 1978] отмечает подобные глаголы с основой на дифтонг в дер. Купля прихода Сойккола, а также в Тюрё и Туутари.

В ижорском языке рассматриваемый тип глаголов представлен в сойкинском, хэвасском и оредежском диалектах и от-

существует в нижнелужском [Laanest 1986: 130]. Следует отметить, что все финские деревни, в которых были зафиксированы глаголы с двусложной основой на дифтонг, относятся к территории прежнего расселения äyämöiset, и можно предположить, что данный реликтовый тип глаголов являлся ранее одной из характерных особенностей «эурямёйских говоров».

2. Императив 2P1 на *-kai* не характерен для финских диалектов и почти неизвестен в Финляндии. В Ингерманландии он встречается в ряде диалектов восточной части Ингерманландии. Основной территорией его распространения являются приходы Лииссиля, Ярвисаари и Келтто. Несколько реже он встречается в Маркове, Инкере и Ряпювя, спорадически также отмечается в приходе Токсово и даже в Хаапакангасе. В ижорском языке данный показатель представлен только в ордежском диалекте, находящемся к западу от прихода Лииссиля. Происхождение показателя *-kai* в ингерманландских финских говорах неясно, Нирви [Nirvi 1960: 370] связывал этот показатель в Лииссиля и Ярвисаари с влиянием ижорского языка.

Литература

- Laanest A. *Isuri keele ajalooline foneetika ja morfoloogia*. Tallinn, 1986.
Nirvi R. E. Havaintoja Inkerin murteista // *Virittäjä*. 1960. С. 369–370.
Nirvi R. E. Soikkolan äyämöismurteesta // *Virittäjä*. 1978. С. 45–54.

К семантике аккузатива в пермских языках

Г. А. Некрасова (Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения РАН)

Аккузатив, основной функцией которого является маркирование пациенса, может употребляться также для выражения других семантических отношений, из которых наиболее частотны в языках мира пространственные и темпоральные. Сложную картину функционирования аккузатива демонстрируют пермские языки: аккузатив представлен целым рядом значений, большинство из которых можно отнести к типологически редким языковым явлениям.

В пермских языках аккузативом могут оформляться следующие семантические функции:

1. *Динамический локатив* при глаголах движения, в том числе каузативных.

кз. *вуджõдны туй-сõ* (AccPoss), *ю-сõ* (AccPoss) ‘перевести [кого-л., что-л.] через дорогу, реку’.

2. *Темпоральная локализация*, отмечается варьирование аккузатива, инессива (коми-зырянский, удмуртский языки) и инструменталю (коми языки).

кз. *тулыс* 'весна': *тулыс-сӧ* (AccPoss) ~ *тулыс-ын* (In) ~ *тулыс-нас* (InstPoss) 'весной'.

3. *Срок-интервал* в коми-зырянском языке.

кз. *Пойэзд с'ормис вит минут* (Acc) 'Поезд опоздал на пять минут'.

4. *Делибератив* при глаголах речемыслительного действия во всех пермских языках.

кз. *вис'тавны олӧм-вылӧм-сӧ* (AccPoss) ~ *олӧм-вылӧм йылыс'* (Post) 'рассказать о жизни';

удм. *улэм-вылэм-зэ* (AccPoss) ~ *улэм-вылэм с'арыс'* (Post) *вэраны* 'рассказать о жизни';

5. *Инструмент* при глаголах двигательного действия со значением 'кивать', 'шевелить', 'махать', 'скрежетать' и др., когда в качестве инструмента выступает часть тела субъекта или же находящийся в них предмет.

кз. *ки-сӧ* (AccPoss) ~ *ки-нас* (InstPoss) *вӧрӧдӧ* '[Он] шевелит руками';

удм. *ки-зэ* (AccPoss) ~ *ки-ын-ыз* (InstPoss3Sg) *вырэтэ* '[Он] шевелит руками'.

6. *Причина*. Аккузатив в форме местоимения *мый* 'что, почему' как реликтовое явление сохраняется только в коми-зырянском языке.

кз. *мӧй* (Acc) ~ *мӧй-лӧ* (Dat) ~ *мӧй-ла* (Kons) 'почему' (нижневыхегодский диалект);

кз. *муй-ӧ* (Acc) ~ *муй-лӧ* (Dat) ~ *муй-ис'* (El) 'почему' (удорский диалект).

7. *Фабрикатив (материал)* при глаголах физической каузации в удмуртских диалектах, отмечается варьирование аккузатива, элатива и аблатива.

удм. *пу-ыс'* (El) ~ *пу-лэс'* (Abl) ~ *пу-эз* (Acc) 'из дерева';

удм. *ыж гонлэс'* (Abl), *вал гонэз* (Acc) *лэс'тылы-зы* 'Из овечьей шерсти, из лошадиной шерсти катали [мячик]' (среднечепецкий диалект).

8. *Трансгрессив (объект превращения)* в удмуртских диалектах, отмечается варьирование аккузатива и датива.

удм. *ад'ами* (Acc) ~ *ад'амилы* (Dat) *пӧрмиз гондырмы* 'Наш медведь превратился в человека'.

9. *Предикативный признак*. В коми языке аккузативный показатель принимают прилагательные и причастия, обозначающие признак предмета, проявляющийся одновременно с действием, названным в предикате.

кз. *чойӧ здоровйэ-сӧ* (AccPoss) *л'ок-ӧ* (Acc) *гэжӧ* 'сестра моя пишет, что ее здоровье слабое' (удорский диалект).

Узус представляет собой пеструю картину исторических напластований разного периода. В этой ситуации аккузатив выступает единицей, слабо конкурирующей с другими языковыми единицами, так как каждая из его семантических функций имеет в языке альтернативные средства выражения, которые, конкурируя с ним, постепенно вытесняют его.

Сокращения

Abl – аблатив, Acc – аккузатив, AccPoss – аккузатив посессивный, Dat – датив, El – элатив, Inst – инструменталь, InstPoss – инструменталь посессивный, In – инессив, Kops – консекутив, Post – послелог.

кз. – коми-зырянский язык, удм. – удмуртский язык.

Локативные существительные в лесном диалекте энецкого языка

М. А. Овсянникова (ИЛИ РАН)

0. Во многих языках мира наряду с пред- или послелогоми имеются существительные, обозначающие определенные части пространства по отношению к ориентиру. Обзор систем, использующих небольшой набор локативных пред- или послелогов и более широкий класс локативных существительных (locational nouns), служащих в сочетаниях с ними для обозначения более сложных локализаций, представлен в статье [Kahr 1975].

В энецком языке также существуют локативные существительные, однако их морфологические и синтаксические свойства отличаются от свойств подобных единиц в других языках мира.

1. В энецком языке существует группа локативных послелогов, которые образуют серии форм, объединенных общим пространственным значением и различающихся в разной степени

сохранившимися падежными показателями со значениями директива, эссива, аблатива, в некоторых случаях пролатива [Сорокина 1984: 188]. Полевое исследование энецкого языка показало, что в большую часть послеложных серий можно включить также локативные существительные.

Таблица 1. Серии послелогов и локативных существительных энецкого языка (для послелогов выделены остаточные падежные показатели)

Основа	DIR	ESS	ABL	PROL	Лок. сущ.	Значение
<i>mi-/m-</i>	<i>mi-ʔ</i>	<i>mi-n</i>	<i>mi-z</i>	<i>me-on</i>	<i>me</i>	‘внутренняя часть’
<i>nʲi-/n-</i>	<i>nʲi-ʔ</i>	<i>nʲi-n</i>	<i>nʲi-z</i>	<i>nʲe-on</i>	<i>nʲe</i>	‘поверхность’
<i>ir-</i>	<i>ir</i>	<i>ir-on</i>	<i>ir-oz</i>	-	<i>ire</i>	‘пространство под’
<i>ke-</i>	<i>keɔ-d</i>	<i>ke-xon</i>	<i>ke-xoz</i>	-	<i>kexe</i>	‘- около’
<i>pɔg-</i>	<i>pɔgud / po-d</i>	<i>pɔg-on</i>	<i>pɔg-oz</i>	-	<i>poge</i>	‘- среди’
<i>dʲɔda-</i>	<i>dʲɔda-d/dʲɔda</i>	<i>dʲɔdan</i>	<i>dʲɔdaz</i>	<i>dʲɔdaan</i>	<i>dʲɔde</i>	‘- посередине’
<i>ne-</i>	<i>neʔ</i>	<i>nen</i>	<i>nez</i>	-	<i>ne</i>	‘- сбоку’
<i>taxa-</i>	<i>taxaʔ</i>	<i>taxan</i>	<i>taxaz</i>	-	-	‘- за’
<i>ɔr-</i>	<i>ɔr</i>	<i>ɔron</i>	-	-	-	‘- перед’

Интересной особенностью энецких локативных существительных является общая морфологическая структура: все они (кроме *kexe*) состоят из основы соответствующей серии и аффикса *-e*. Формальная регулярность строения локативных существительных в энецком языке позволяет считать их более близкими к зоне грамматических средств, чем такие же единицы в других языках (см. [Kahr 1975]), где локативные существительные не демонстрируют подобного единообразия.

2. Локативные существительные в энецком языке разделяют некоторые морфологические свойства «обычных» существительных. Они образуют форму множественного числа (1), присоединяют некоторые именные деривационные суффиксы (2).

- (1) *petʃi-naʔ me-ʔ tufa-saj-ʔ*
 печь-PL.1PL нутро-PL зола-COM-3PL
 ‘Внутри наших печей все в золе’.

- (2) *mod^j petʃi-n^j? me-saj pɔlziŋa-∅*
 1SG печь-OBL.SG.1SG нутро-COM быть_черным-3SG.S
 ‘Моя печь с нутром черная’.

Локативные существительные отличаются от других существительных с точки зрения поведения с посессивными показателями. Употребление посессивных показателей, относящихся к одушевленным посессорам, с локативными существительными невозможно (3); не было признано приемлемым употребление локативных существительных с посессивными показателями первого и второго лица.

- (3a) *baʔa-n^j? ire*
 постель-OBL.SG.1SG поверхность.под
noda-bi-∅
 промокнуть-PRF-3SG.S
 ‘Под моей кроватью сыро’.
- (3b) **mod^j ire-j[?] noda-bi-∅*
 1SG поверхность.под-NOM.SG.1SG промокнуть-PRF-3SG.S
 ‘Подо мной сыро’.

При референции к неодушевленному посессору употребление посессивных показателей возможно (4).

- (4) *tɔlu-d ire-za naxi-d^ʔaj*
 стол-OBL.SG.2SG поверхность.под-NOM.SG.3SG грязь-COM
 ‘Под столом грязно’.

4. О синтаксическом поведении локативных существительных по сравнению с послелогами можно сказать, что эти две группы единиц находятся в дополнительной дистрибуции: локативные существительные используются в позициях подлежащего (5) и прямого дополнения (6) (эти позиции невозможны для послеложных групп); в качестве локативного обстоятельства на уровне простого предложения группы локативных существительных употребляться не могут (7).

- (5) *bi-ta n^ʔe /*n^ʔeɔn salziŋa-∅*
 вода-OBL.SG.3SG поверхность по блестеть-3SG.S
 ‘Поверхность воды блестит’.
- (6) *stɔl ire / *iron kɔlta-f tara-∅*
 стол поверхность.под под мыть-INF надо-3SG.S
 ‘Под столом надо помыть’.

- (7a) *modⁱ mε-nⁱ? kexon nee-z?*
 1SG чум-NOM.SG.1SG около стоять-1SG.S
- (7b) **modⁱ katozu-nⁱ? kexe nee-z?*
 1SG дом-OBL.SG.1SG пространство.около стоять-1SG.S
 ‘Я стою возле дома’.

Морфологическая неспособность локативных существительных принимать падежные показатели отражает данные о синтаксической дистрибуции послелогов и локативных существительных: не обнаружено таких синтаксических контекстов, где локативные существительные нуждались бы в употреблении в формах косвенных падежей; такие морфологические формы для них не засвидетельствованы.

5. В лесном диалекте энецкого языка локативные существительные являются в большей степени включенными в грамматическую систему локативных средств, чем подобные классы существительных в других языках. На это указывает их регулярная морфологическая структура и распределение послелогов и локативных существительных по синтаксическим контекстам.

Литература

- Сорокина И. П. Послелогии энецкого языка // *СФУ*, 1984, № 2, с. 118–124.
- Kahr J. C. Adpositionals and locationals: typology and diachronic development // *Working papers on language universals*, 19, 1975, с. 21–54.

Показатель «косвенного падежа» в нанайском языке

С. А. Оскольская (СПбГУ / ИЛИ РАН)

В нанайском языке существует так называемый показатель косвенного падежа *-wa*, который занимает разные позиции в зависимости от типа парадигмы имени. Суффикс *-wa* имеет несколько фонологически обусловленных вариантов: *-wa*, *-wə*, *-a*, *-ə*, *-ba*, *-bə*. Этот показатель в том или ином варианте можно обнаружить в парадигме простого склонения имени (форма винительного падежа), в парадигме лично-притяжательного склонения (все формы, кроме именительного падежа). Лично-притяжательное склонение представляет особый интерес, поскольку в нем данный показатель обязательно употребляется наряду с каким-либо другим падежным показателем в той же словоформе. Это относится ко всем падежным формам, кроме винительного и, естественно, именительного падежей.

Ниже приведена часть парадигмы существительного *ogda*-‘лодка’ в лично-притяжательном склонении (формы 1 и 2 лица ед.ч.)¹:

Nom	<i>ogda-i</i>	<i>ogda-si</i>
Acc (Obl)	<i>ogda-i-wa</i>	<i>ogda-wa-si</i>
Dest	<i>ogda-go-i-wa</i>	<i>ogda-go-a-si</i>
Ins	<i>ogda-ži-i-wa</i>	<i>ogda-ži-a-si</i>
Dat	<i>ogda-do-i-wa</i>	<i>ogda-do-a-si</i>
Loc	<i>ogda-la-i-wa</i>	<i>ogda-la-si</i>
Dir	<i>ogda-či-i-wa</i>	<i>ogda-či-a-si</i>
Abl	<i>ogda-žiaži-i-wa</i>	<i>ogda-žiaži-a-si</i>

В данной парадигме обращают на себя внимание два любопытных явления. Во-первых, порядок аффиксов в формах 1 лица отличается от порядка аффиксов в формах 2 и 3 лиц:

1 лицо: основа – падеж – лицо+число – OBL

2 и 3 лица: основа – падеж – OBL – лицо+число

Чем вызван такой порядок аффиксов и его зависимость от лица – неизвестно. Однако хотя такой тип парадигмы и не является особенно частотным в языках мира (если вообще существует где-либо еще), он не противоречит известной иерархии одушевленности: необычным построением отличаются словоформы 1 лица, позиция, которая находится на левом краю иерархии.

Другой факт, на который необходимо обратить внимание, заключается в том, что показатель косвенного падежа во всех случаях (независимо от лица) занимает позицию **после** другого падежного показателя, что является типологической редкостью. В большинстве случаев, если в языке в именной словоформе имеются два падежных показателя: показатель косвенного падежа, общий для всех падежей, кроме номинатива, и какой-либо более частный падежный показатель (например, локативный), – то показатель косвенного падежа занимает позицию **перед** другим падежным показателем.

Довольно детальное диахроническое объяснение появлению рассматриваемого показателя дает В. А. Аврорин в [Аврорин

¹ Показатель косвенного падежа подчеркнут, посессивный показатель выделен полужирным шрифтом.

1959: 171–175], однако это объяснение не бесспорно и вызывает ряд вопросов.

Поскольку рассматриваемый суффикс появляется только в лично-притяжательном склонении, его можно было бы трактовать как посессивный показатель. В пользу такой трактовки может говорить, например, тот факт, что в устной речи в некоторых случаях носители могут (и предпочитают) опускать показатель 3 лица ед. или мн. числа без ущерба для семантики высказывания, в то время как аналогичное высказывание со словоформой в простом склонении (без показателя косвенного падежа) недопустимо:

- (1) *Sulungu əj pokto-wə ʒəan*
Сулунгу этот дорога-OBL десять
minutə-du-ə / minutə-du-ə-ni
минута-DAT-OBL / минута-DAT-OBL-P.3SG
/ * *minutə-du ənə-xə-ni.*
/ минута-DAT идти-PC.PST-P.3SG
‘Сулунгу прошел этот путь за 10 минут’.

С другой стороны, при такой «посессивной» трактовке данного показателя непонятно, как объяснить его отсутствие в лично-притяжательной форме именительного падежа.

Изложенные факты показывают, что суффикс *-wa* представляет интерес и вызывает ряд пока не решенных вопросов не только в рамках нанайской грамматики, но и в типологической перспективе.

Литература

Аврорин, В. А. *Грамматика нанайского языка*. Т. 1. М.–Л., 1959.

Новый взгляд на контактные процессы: заимствование глагольной морфологии из якутского языка в ламунхинский говор эвенского языка

Б. Пакендорф (Институт им. Макса Планка, Лейпциг)

В литературе о языковых контактах предлагаются «иерархии заимствований», согласно которым проще и чаще всего заимствуются имена существительные, за которыми следует глагольная лексика, потом лексемы с грамматическими функциями. Наименее подвержены заимствованию морфологические показатели, причем реже всего заимствуется инфлекционная морфология [Wilkins 1996: tab.14.2; Matras 2009: 157]. В обзоре, составленном Гардани [Gardani 2008], перечисляется всего 12

примеров более или менее продуктивной заимствованной инфлекционной морфологии, преимущественно из области именной морфологии. Тем интереснее оказываются продуктивные заимствования глагольных морфем из якутского языка в ламунхинский говор эвенского языка, которые являются темой этого доклада.

Из якутского языка заимствованы две парадигмы [Pakendorf 2009]: наклонение долженствования и наклонение утверждения, где вместе с суффиксами наклонения заимствованы два разных ряда суффиксов лица и числа (1, 2). Аналитический способ выражения возможности также заимствован из якутского. В этих конструкциях заимствованы и частица *höp*, и глагольные окончания – личные и безличное (3, 4). Более проблематичным является статус якутской парадигмы настоящего времени изъявительного наклонения, употребляемой в ламунхинском говоре (5). Хотя корпус содержит около 30 примеров эвенских корней с разными якутскими формами лица и числа, используемых разными носителями, эвенские формы Nonfuture все еще гораздо более распространены. Возможно, здесь имеет место начальный этап заимствования.

(1) Наклонение долженствования (Pakendorf fielddata 2009)

<i>orolčimŋa</i>	<i>bej</i>	<i>gĩa-n</i>	<i>gerbe</i>	<i>ŋin-a-l</i> ,
reindeer.herder	man	friend-poss.3sg	name	dog-ep-pl
<i>ibga</i>	<i>ŋin-a-lkan</i>	<i>bi-jekte:k</i>		
good	dog-ep-prop	be-nec.Y[3sg]		

‘Друзья оленевода – собаки, он должен быть с хорошей собакой.’

(2) Наклонение утверждения (Pakendorf fielddata 2010)

<i>iak</i>	<i>ejm-u</i>
what	mother-poss.1sg
<i>ololdɑ-j-dag-a=di:...</i>	
be.frightened-conn-assert.Y-3sg.Y=emph.Y	

‘Моя мать испугалась же...’

(3) Возможность 3SG (Pakendorf fielddata 2010)

<i>derih-nek-e-s</i>	<i>holu-ridʒi</i>
run.off-cond.cvb-ep-poss.2sg	chase-ant.cvb
<i>dʒeb-e-he-j-ien</i>	<i>höp</i>
eat-ep-lim-conn-futpt.acc.3sg.Y	ptl.Y

‘Если убежишь, он может тебя съесть, погнавшись за тобой.’

(4) Безличная возможность (Pakendorf fielddata 2010)

otton ti.k-erep birieme-du čistyj produkt
dp.Y now-adjr time.R-dat clean.R product.R
go.-jekke hōp
say-futpt.dat.Y ptl.Y

‘В современное время можно сказать, это чистый продукт.’

(5) Настоящее время 1SG (Pakendorf fielddata 2010)

e-če hor-re bi-hek-e-n,
neg-pf.ptc go-neg.cvb be-cond.cvb-ep-poss.3sg
honte tor-le tul-e-j-ebin
other earth-loc set-ep-conn-prs.1sg.Y

‘Если он не попался, я в другом месте ставлю (капкан).’

Литература

- Gardani, F. *Borrowing of inflectional morphemes in language contact*. Frankfurt am Main et al: Peter Lang, 2008.
- Matras, Y. *Language contact*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Pakendorf, B. Intensive contact and the copying of paradigms – an Even dialect in contact with Sakha (Yakut) // *Journal of Language Contact*, VARIA 2. 2009. P. 85–110.
- Wilkins, D. P. Morphology // *Contact Linguistics. An International Handbook of Contemporary Research*. / Ed. by H. Goebel, P. H. Nelde, Z. Starý & W. Wölck. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1996. P. 109–117.

Список сокращений

acc	accusative	loc	locative
adjr	adjectivizer	neg	negative
ant	anterior	nec	necessitative
assert	assertive	pf.ptc	perfect participle
cond	conditional	pl	plural
conn	connective glide	poss	possessive
cvb	converb	prop	propriative
dat	dative	prs	present tense
dp	discourse particle	ptl	particle
emph	emphatic	R	Russian copy
ep	epenthetic (vowel)	sg	singular
futpt	future participle	Y	Yakut copy
lim	limitative		

Об уникальных случаях «квазисогласования» имени с глаголом

А. М. Певнов (ИЛИ РАН)

Речь в докладе будет идти о необъяснимом влиянии модальных или временных значений на выбор падежной формы прямого или косвенного объекта.

В якутском языке форма прямого дополнения обусловлена модальностью глагола: при повелительном наклонении прямое дополнение может иметь показатель «частного падежа» (партитива), другие же наклонения требуют иного оформления прямого дополнения – либо нулевым показателем, либо аффиксом винительного падежа, либо показателем «винительно-собирательного» падежа. В языке норильских долган, близком к якутскому, дело обстоит несколько иначе: «у долган форма частного падежа выражает объект предполагаемого действия» [Убрятова 1985: 117].

Иная зависимость именной категории от глагольной наблюдается в тувинском. Имя существительное – обстоятельство места – оформляется в этом языке при глаголе в прошедшем или будущем времени дательным падежом (*Мен Кызылга чурттап турган мен* ‘Я жил в Кызыле’; *Мен Кызылга чурттаар мен* ‘Я буду жить в Кызыле’), при глаголе же в настоящем времени обстоятельство места имеет форму местного падежа (*Мен Кызылда чурттап тур мен* ‘Я живу (в данный момент) в Кызыле’ [Исхаков, Пальмбах 1961: 128]).

Удивительная связь категорий времени и падежа представлена в маньчжурском языке. В. А. Аврорин пишет, что в функции дополнения орудия «дательный падеж конкурирует с родительным» [Аврорин 2000: 82]. Ссылаясь на И. И. Захарова, В. А. Аврорин отмечает: «...дательный падеж в этой функции употребительнее при глагольных словах прошедшего времени, а родительный – при глагольных словах, обозначающих действия совершающиеся или еще не начатые» [Аврорин 2000: 82].

Такая странная зависимость падежа от модальных или временных значений напоминает согласование, хотя вряд ли им является (квазисогласование). Падеж при этом как бы раздваивается: с одной стороны, оформляя управляемое слово, он ориентирован на валентность глагола, а с другой, – падеж одновременно служит средством квазисогласования существительного с глаголом.

Интересно, что в финском языке существует оригинальная зависимость падежа прямого дополнения от аспектуального значения, которое в глаголе никак не выражается: если действие законченное, то прямое дополнение оформляется родительным падежом, если же действие незаконченное, то прямое дополнение

употребляется в форме партитива (на самом деле есть некоторые нюансы, но в целом картина такова).

Впрочем, ситуация в финском существенно отличается от того, что мы наблюдаем в якутском, долганском, тувинском и маньчжурском. В финском языке имя выражает двумя падежными формами то, что не находит отражения в глаголе (перфектив/имперфектив). В якутском, долганском, тувинском и маньчжурском имя в определенном отношении дублирует выраженные в глаголе значения времени и модальности. Совершенно непонятна причина такого странного квазисогласования. Очевидно, странность, немотивированность, алогичность оказываются здесь, как и в некоторых других случаях, признаками уникальности языкового явления.

Литература

- Аврорин В. А. *Грамматика маньчжурского письменного языка*. СПб., 2000.
Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. *Грамматика тувинского языка*. М., 1961.
Убрятова Е. И. *Язык норильских долган*. Новосибирск, 1985.

Глоттализированные гласные удэгейского языка в тунгусо-маньчжурской перспективе¹

Е. В. Перехвальская (ИЛИ РАН)

Глоттализированные (прерывные) и фарингализированные (придыхательные) гласные представляют собой особенность удэгейского языка, резко выделяющую его среди других тунгусо-маньчжурских, и – шире – алтайских языков [Зиндер 1948: 581], [Цинциус 1949: 227–228].

Из двух серий особых гласных более типологически редкой, по крайней мере для языков Сибири и Дальнего Востока, представляется серия глоттализированных гласных. Аспирированные гласные в удэгейском оказались менее «устойчивыми», чем глоттализированные. Южные диалекты утратили их полностью, в хорском диалекте они сохранились только в корневых морфемах и только в медленном стиле произношения. Напротив, глоттализированные гласные сохранились во всех диалектах, хотя их конкретная реализация может быть весьма различной.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта ОИФН «Традиционный нарратив и способы его документации (на материале алтайских языков)».

В общем случае глоттализированные гласные восходят к комплексу V-q-V, который представлял собой трехфонемное сочетание и представлен во многих языках данной группы, ср. удэг. *x'ai* 'печень' – эвенк. *hākin*; негид. *xāxur*; ороцк. *xāki(n)*; кур-урмийск. *xakĩ*.

В большинстве диалектов нанайского и в ульчском языке последовательность V-q-V дала долгий гласный, имеющий тенденцию к утрате долготы. В. И. Цинциус пишет по этому поводу: «Ульчский и нанайский в отношении звука *к* в интервокальном положении в ряде случаев пошли дальше удэйского. Если в удэйском согласный *к* в интервокальном положении в соответствующих случаях (между широкими гласными или после широких гласных) исчезает, оставляя след в виде прерывности долгого гласного (простого, дифтонгоидного или дифтонга), возникшего в результате слияния двух гласных, ранее отдельных, в нанайском и особенно в ульчском на месте комплекса V + *к* + V возникает обычный долгий и даже недолгий гласный» [Цинциус 1949: 227–228].

Данное высказывание можно понимать так, что нанайский и ульчский языки также прошли стадию, на которой в них появились долгие глоттализированные согласные. Такое развитие, однако, вовсе не является обязательным в процессе исчезновения интервокального глухого смычного согласного. Типологически более распространенными оказываются такие сценарии: 1) интервокальный глухой смычный озвончается с последующим переходом в звонкий щелевой; 2) глухой смычный переходит в глухой спирант; 3) глухой смычный исчезает, не проходя стадию щелевого звука.

Типологически наименее вероятным представляется путь утраты согласного в интервокальной позиции путем образования сложного гласного, представляющего (что немаловажно), единый сложный звук (одну фонему).

Даже если предположить, что отдельные диалекты нанайского, а также ульчский язык прошли стадию появления глоттализированного гласного, он оказался неустойчивым. Как уже говорилось, в удэгейском языке глоттализированный гласный сохраняется во всех диалектах [Шнейдер 1937], [Симонов 1988], [Nikolaeva 2000]. «Неэтимологический» глоттализированный гласный sporadически появляется в позиции после смычных ***b, p, c***, если за ними следует гласный ***a***, ср. удэг. бикинск.: *b'ata* 'мальчик'; *c'aligi* 'белый'.

Характерно также, что многие слова, содержащие глоттализированные гласные, не имеют надежной этимологии. Часто они засвидетельствованы только в удэгейском языке: *'ana* 'лодка', *d'a*

‘вата’; *gob’o* ‘муха’, *’asa* ‘залив’; *g’üölimo* ‘складной’, *t’anĭki* ‘середина’ и др. Эти слова известны во всех диалектах. Отдельные слова имеют не очень убедительную этимологию: *od’o* ‘дед’ (сопоставляется с ороч. *adiyi*; ульч. *adəkə(n)* ‘свекор’, ‘тесть’) (здесь и далее, соответствия приведены по [ТМС]).

В отличие от удэгейского языка процесс утраты интервокального *-k-* в нанайском языке является непоследовательным. Во-первых, этот процесс охватил не всех диалекты нанайского языка. Так интервокальное *-k-* регулярно сохраняется в кур-урмийском диалекте (языке?), а иногда и в бикинском диалекте: удэг. *b’a-* ‘найти’ – нан. *bā-* (найхинск.), *baqa-* (кур-урмийск.); удэг. *tal’a* строганина – нан. *talā*, кур-урмийск. *talqa*.

В некоторых случаях удэгейскому глоттализованному в нанайском слове соответствует последовательность VqV: ср. удэг. *um’a* ‘рыболовный крючок’ – нан. *uməkə*, кур-урмийск. *эмкə(n)*; удэг. *p’aligi* ‘черный’ – нан. *paqajra*, *paqala* ‘темно, черно’; *paqa-paqa* (найхинск.) *faqa-faqa* (бикинск.) ‘черный-пречерный’; удэг. *’ai* ‘водка’ – нан. *araqı*; удэг. *g’ai* ‘ворона’ – нан. *gāqi*.

Представляется, что утрата интервокального глухого смычного в нанайском и ульчском языках проходила, скорее всего, иным, типологически более частотным образом. По крайней мере эти языки не сформировали особых гласных сложного образования в долгой перспективе. В этом отношении удэгейский язык резко отличается от всех других языков своей группы, что, возможно, является следствием каких-то субстратных влияний.

Литература

- Зиндер Л. Р. Экспериментальное изучение фонетики северных языков // *Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка.* 1948. Т. VII, вып. 6, ноябрь–декабрь. С. 579–581.
- Симонов М. Д. Фонологическая система удэгейского языка // *Историко-типологические исследования по тунгусо-маньчжурским языкам.* Новосибирск, 1988. С. 44–88.
- ТМС: *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков.* Материалы к этимологическому словарю. Л.: Наука. Т. I, 1975; Т. II, 1977.
- Цинциус В. И. *Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков.* Л.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Мин. просв. РСФСР, ЛО, 1949.
- Шнейдер Е. Р. *Материалы по языку анюйских удэ.* Главсевморпуть при СНК СССР. Научно-исследовательская ассоциация Института Народов Севера им. И.Г. Смиловича. Вып. 11. М.–Л., 1937.

Глагольные формы «прекращенного прошлого» энецкого языка с типологической точки зрения ¹

В. А. Плунгян (ИЯз РАН), А. Ю. Урманчиева (ИЯз РАН)

В глагольных формах энецкого языка представлен суффикс так называемого «прошедшего времени» (ниже в глоссах он помечен как P). Морфосинтаксическое своеобразие его состоит в том, что он – единственный из глагольных суффиксов – занимает позицию после лично-числовых показателей. При этом суффиксальная (а не клитическая) природа этого показателя вполне очевидна, так как его присоединение к лично-числовым аффиксам сопровождается чередованиями, характерными именно для межморфемной границы, так, что он имеет три алломорфа: *-s'i ~ -d'i ~ -t'i*, ср.:

d'edadod'i (< *d'edo-ŋa-ɔo?n-s'i* / ковать-Praes-s1-P) 'я ковал'

d'edas'i (< *d'edo-ŋa-Ø-s'i* / ковать-Praes-s3-P) 'он ковал'

d'edabat'i (< *d'edo-ŋa-ba?s'i* / ковать-Praes-s1Pl-P) 'мы ковали'

Семантика показателя «прошедшего времени» также довольно своеобразна. Она достаточно сильно различается в зависимости от того, в нарративном или в диалоговом режиме употреблена соответствующая глагольная форма. Так, в диалоговом режиме преобладает значение собственно прошедшего времени (часто с результиративным компонентом):

– *Какe, обу екун понирад?* – *Битуй косайсь тозудь.*

– бабушка что[-Acc] здесь держать-Praes-s2 – вода-Dest-1 черпать-VAlnf **прийти-Praes-s1-P**

‘– Бабушка, что ты здесь делаешь? – Я за водой **пришла.**’

В нарративе же эта форма передает достаточно редкое значение так называемого «прекращенного прошлого» (см. Плунгян 2001, Plungian & van der Auwera 2006, Урманчиева 2006): ситуация имела место до момента речи, так, что это представляет собой контраст с существующим положением дел: эксплицитно указывается, что ситуация не имеет места в данный

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 08-04-00209а.

момент, и повторение подобной ситуации в настоящем маловероятно либо невозможно.

Međuna? tonanedu? ukat'i, nexibikođo bođaat'i, t'iqad'i t'uku monuobiđo?

чум-Р1-1Р1 раньше-3Р1 много-[Pr3]Р1-DP тридцать-Е1
лишним + быть-Pracs-s3Р1-DP теперь весь упасть-Infer-r3[Р1]

‘Раньше у нас чумов было много, больше тридцати, теперь все развалились.’

Своеобразие этого аффикса – и на этом мы хотели бы специально остановиться – состоит в том, что, помимо указанной формы, он может прибавляться и к целому ряду других глагольных форм. Впервые на эту особенность интересующего нас аффикса обратила внимание И. П. Сорокина в работе [Сорокина 1975]. Некоторые формы из этого ряда зафиксированы также в кратком грамматическом описании тундрового диалекта энецкого языка [Лабанаускас 2002].

По данным, приводимым в указанных исследованиях (с которыми согласуются и наши наблюдения), этот аффикс может прибавляться к следующим формам: настояще-прошедшего времени (см. примеры выше), инферентива, хабицуалиса, будущего времени, оптатива и дебитива. При этом показатель *-s'i* выступает как своего рода оператор, который определенным образом модифицирует значения тех глагольных форм, к которым он прибавляется. Эти семантические преобразования будут описаны в докладе. Вкратце суммировать их можно следующим образом:

	без <i>s'i</i> -	с <i>s'i</i> -	
формы с семантикой прошедшего времени	настояще-прошедшее	настояще-прошедшее	+ прекращенное прошлое
	инферентив	инферентив	
	хабицуалис	хабицуалис	
формы с семантикой гипотетического действия	оптатив	ирреальные формы	
	будущее время		
	дебитив (долженствовательное наклонение)		

На фоне сибирского лингвистического ландшафта существование такого «оператора» выглядит уникальным. Однако

можно привести некоторые типологические параллели. Действительно, наблюдаемый показатель и в формальном, и в содержательном плане является достаточно типичным представителем показателей так называемого «ретроспективного сдвига» [Плунгян 2001], для которых характерно, в плане выражения, присоединение к уже существующей в языке, «готовой» словоформе, а в плане содержания, определенного типа преобразование значения этой опорной словоформы, состоящее, в первом приближении, в усилении значений прошлого и/или ирреальности, в зависимости от исходной семантики. Таким образом, показатели ретроспективного сдвига представляют собой частный (но весьма характерный) подкласс показателей семантической зоны «сверх-прошлого». Они широко засвидетельствованы в ряде ареалов, прежде всего в Западной Африке и в Океании, однако спорадически встречаются и в других ареалах. Для Европы и Северной Евразии они не столь характерны (хотя имеются, например, в цыганском языке, а также в финно-волжских и финно-пермских). Появление показателя данного типа в энецком, по-видимому, является инновацией, которая, однако, имеет интересные типологические параллели далеко за пределами Таймыра.

Литература

- Лабанаускас К. И. 2002. *Родное слово*. Санкт-Петербург: «Просвещение».
- Плунгян В. А. 2001. Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.). *Исследования по теории грамматики*, вып. 1: *Глагольные категории*. М.: Русские словари, 50–88.
- Сорокина И. П. 1975. Морфология глагола энецкого языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ленинград.
- Урманчиева А. Ю. 2006. Время, вид или модальность? Глагольная система энецкого языка // *Вопросы языкознания*, 2006/4. С. 84–100.
- Plungian V. A. & van der Auwera, J. 2006. Towards a typology of discontinuous past marking // *Sprachtypologie und Universalienforschung*, 59.4. P. 317–349.

Асимметрия афfirmативных и негативных глагольных форм в чукотском языке

М. Ю. Пупынина (ИЛИ РАН)

Система отрицания в чукотском языке характеризуется двумя типами асимметрии: парадигматической (paradigmatic), при которой между афfirmативной и негативной парадигмами нет одно-однозначного соответствия, и структурной (constructional), которая заключается в том, что негативная форма образуется

НЕ простым присоединением к аффирмативной негативного элемента [Miestamo 2005: 51–54].

Парадигматическая асимметрия. В чукотском языке существует три личные формы отрицания, дифференцированные по времени/наклонению (частица *wanewan(wane)*+форма императива (далее IMPR); частица *qarəm*+IMPR, *qəgəm*+форма конъюнктива), для выражения отрицания в небудущем времени, будущем времени и конъюнктиве и две неличные формы (*e-/-ke*, *luŋ-/-te*), предположительно дифференцированные по виду (имперфектив и перфектив соответственно), с аналитическим и синтетическим расширениями. Аналитические расширения неличных форм могут при употреблении соответствующего вспомогательного глагола иметь референцию к будущему времени, конъюнктиву или (для формы *e-/-ke*) императиву. Императив также может выражаться конструкцией с частицей *əŋe*+*e-/-ke*. Таким образом, как в реалисе (небудущее время), так и в ирреалисе (будущее время, конъюнктив, императив) существует несколько альтернативных способов выражения отрицания, дублирующих друг друга. При этом количество соответствующих утвердительных форм, как правило, меньше.

В таблице ниже представлены пять способов выражения отрицания в настоящем актуальном при одном способе выражения коррелятивного аффирмативного значения.

аффирмативная форма	(1) <i>iaʔm tipʲejŋe-rkən</i> почему петь-IPFV	<i>Почему ты поешь?</i>
отр. финитная форма	(2) <i>iaʔm wane</i> почему NEG.NFUT <i>qə-tipʲejŋe-vi</i> IMPR.2SG-петь-PF	
отр. нефинитная форма	(3) <i>iaʔm e-tipʲejŋe-ke?</i> почему NEG-петь-NEG	
синтетическое расширение нефинитной формы	(4) <i>iaʔm</i> почему <i>e-tipʲejŋe-kə-lʲ-i vət?</i> NEG-петь-NEG-PRED3-2SG	
аналитическое расширение нефинитной формы	(5) <i>iaʔm e-tipʲejŋe-ke</i> почему NEG-петь-NEG <i>itə-rkən?</i> AUX-IMPF	
<i>etʃə</i>+ нефинитная форма	(6) <i>iaʔm etʃə e-tipʲejŋe-ke?</i> почему NEG NEG-петь-NEG	

Такое обилие форм для выражения отрицания в реалисе – более того, в данном конкретном случае речь идет о пяти (!) способах выражения одного только значения отрицания при прогрессиве настоящего времени – без сомнения, является типологически редким, если не уникальным, явлением.

Разумеется, некоторые различия между этими формами существуют. Нефинитные формы можно назвать стативными (по аналогии с тем, что и в аффирмативной парадигме существует стативное спряжение), они находятся «между глаголом и существительным». Таким образом, сказуемое в предложениях типа (3) нельзя в полной мере назвать глагольным сказуемым; такая форма скорее характеризует деятеля, чем его действие (ср. «почему ты не поющая?»). В то же время, личная форма представляет собой, так сказать, прототипический глагол. Таким образом, говорящий в зависимости от того, хочет он охарактеризовать актора или его действие, выбирает ту или иную форму отрицания.

Синтетическое расширение нефинитной формы используется, когда нужно конкретизировать лицо и число актора. Аналитическое расширение (нефинитная форма+вспомогательный глагол), соответственно, будет употреблено, если необходимо указать время/наклонение, лицо/число и (дополнительно) аспект. К сожалению, к настоящему времени нельзя ничего сказать по поводу пятого способа выражения отрицания в реалисе – пример (6) (частица *etlə*+ **нефинитная форма**): при переводе одинаковых стимулов одни информанты к нефинитной форме добавляют частицу, а другие используют нефинитную форму без частиц.

Структурная асимметрия. Остановимся подробнее на конструкции *wanewan*+*IMPR*, выражающей отрицание в небудущем времени.

Nə-ʏət'e-muri, wanewan tən-nu-mək,
 IPFV-голодать-1PL NEG.NFUT IMPR.2PL-есть-2PL
qoʔo mə-twanʎa-rkən.
 INTJ 3PL-хотеть.есть-IPFV
 'Мы голодали, не ели, ох как хотели есть'.

По классификации М. Миестамо, данный тип конструкций может быть отнесен к типу A/NonReal/Displc (Asymmetric/non-real/displacement): асимметричное отрицание, (структурная) асимметрия которого заключается в способе маркирования статуса реальности ситуации. Формы императива (ирреалис) используются для отрицания в не-будущем времени (реалис), однако свои формы для отрицания в императиве (прохибитив) в языке также имеются, поэтому нейтрализации императива при отри-

цании не происходит, а происходит парадигматическое смещение (paradigmatic displacement). В работе [Miestamo 2005] перечислено сорок языков (из 297 рассмотренных), относящихся к типу A/NonReal. Приводятся, в частности, примеры из следующих языков, использующих маркеры ирреалиса для выражения отрицания в реалисе: австралийский язык маунг (отрицательная частица+общий маркер ирреалиса), имбабура кечуа (отрицательная частица+интеррогативный маркер), индонезийский язык асмаат фламिंगской бухты (отрицательная частица+маркер волитива) и чукотский (отрицательная частица+маркер императива). Как видно из этого списка, чукотский язык хорошо вписывается в этот ряд языков, использующих показатели ирреалиса для отрицания реалиса, хотя использование именно императива для этого пока что можно считать типологически уникальным феноменом.

Чукотская система отрицания представляет собой весьма сложный феномен, иллюстрирующий всю сложность и многогранность оппозиции «ассерция-негация», пока еще весьма слабо изученной в типологической перспективе.

Литература

Miestamo M. *Standard Negation. The Negation of Declarative Verbal Main Clauses in a Typological Perspective*. (Empirical Approaches to Language Typology 31). Berlin: Mouton de Gruyter, 2005.

Фонологическая система современного водского языка как уникальный пример маргинальности¹

Ф. И. Рожанский (ИЯЗ РАН)

Фонологический инвентарь языка можно условно разделить на ядро и периферию. Ядро составляют фонемы, фонологический статус которых не вызывает сомнения, представленные во множестве слов и использующие традиционную для данного языка систему фонологических признаков. В периферию же попадают сегменты, фонологический статус которых неочевиден. Периферийность сегмента может быть обусловлена различными факторами, в частности, а) переходным состоянием фонологической системы, при котором теряются существовавшие ранее признаки или приобретаются новые, б) появлением в языке заимствований, которые не адаптируются к тради-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 08-04-00172а.

ционной фонетике, а привносят новые сегменты в фонологическую систему, в) ситуациями, когда некоторый сегмент встречается только в единичных примерах, г) специфической дистрибуцией сегментов, не позволяющей однозначно квалифицировать отношения между ними как относящиеся к одному из трех базовых типов (оппозиция, дополнительная дистрибуция, свободное варьирование).

Наличие периферийных сегментов не является уникальным явлением: удивление должно вызывать скорее отсутствие периферии, чем ее существование (достаточно привести в качестве примера русский язык с его общеизвестными проблемами типа палатализованного *к* или статуса *и* и *ы*). Однако для большинства языков работает следующее правило: область фонологической периферии заметно меньше, чем область ядра. На фоне этого правила несомненного интереса заслуживает фонологическая система современного водского языка (прежде всего, консонантизм).

В предшествующих описаниях водского языка мы наблюдаем достаточно простую систему консонантизма: кроме базовых признаков «место образования» и «способ образования» существуют признаки «глухой–звонкий» и «одиначный–геминированный», которые релевантны лишь для некоторых консонантов. В современном же водском языке (который будет рассмотрен на материале кракольского говора) представлена совсем другая консонантная система, сформировавшаяся в результате действия следующих факторов:

1. Давние контакты с русским языком обусловили появление большого числа заимствований (не менее 20% всей лексики), относящихся к разным периодам, подвергавшихся разной степени адаптации и включившихся в систему морфонологических процессов водского языка.

2. Активные контакты с ижорским языком привели к заимствованию такого механизма как геминация, активно используемого в системе морфонологических оппозиций.

3. Апокопа, которая именно в кракольском говоре представлена в максимальной степени, привела к исчезновению многих конечных гласных и последующему перераспределению некоторых фонологических признаков.

В результате этих процессов водский консонантизм значительно расширился. Приведем несколько примеров, которые демонстрируют, как сочетание разных механизмов приводит к появлению в водском языке сегментов, фонологический статус которых требует специального анализа.

1. И в русском, и в водском языке существовала фонема /b/, однако отсутствовал ее геминированный коррелят /bb/. В водский

язык проникли такие заимствования как, например, *grība* ‘гриб’ и *truba* ‘труба’. Действие механизма геминации привело к появлению форм партитива *gribba* и *trubba*, где наблюдается геминированный /bb/, который уже никак нельзя считать заимствованным (в русском языке такой фонемы не существует).

2. В грамматике [Ariste 1968], посвященной уже вымершему котельскому говору водского, отмечались два латеральных аппроксиманта [l] и [l̥], являющихся аллофонами одной фонемы. В словаре [Tsvetkov 1995] (написанном в 1920-е годы) также отмечается сегмент [l̥], который в негеминированном виде чаще встречается в заимствованиях. Минимальная пара существует лишь для геминированных [ll] и [l̥l̥] (ралло ‘ком’ – *ra'l̥l̥'o* ‘много’), остальные же латеральные аппроксиманты оказываются в нетривиальных фонологических отношениях (в частности, апокопа гласного привела к тому, что [l] и [l̥] стали появляться в фонетически близких контекстах (ср. *il̥m* ‘мир; погода’ и *sil̥met* ‘сглазить’), хотя в ряде контекстов дистрибуция сохранилась: [l̥] не встречается перед гласными переднего ряда, а [l] – перед гласными заднего ряда).

3. Палатализованный [n̥] в собственно водских словах почти не представлен. Примеры типа *kon'o* ‘дурак’ (пейоративная палатализация) или *n̥'aukkuma* ‘мяукать’ (звукоподражание) единичны. Геминированный консонант [n̥n̥] почти всегда контекстно-обусловлен и допускает варьирование в степени палатализации (*tšenneD* ~ *tšen'n̥'eD* ‘обувь’). Однако из русского языка заимствованно немало слов с [n̥]. В некоторых из них в процессе адаптации одиночный консонант превратился в геминату (*imen'n̥* ‘имение’). Другие заимствования (прежде всего, имена собственные) включились в систему морфологических оппозиций, что привело к появлению геминаты [n̥n̥] в некоторых морфологических формах (например, в партитиве *tan'n̥'a*, образованном от *tan'a* ‘Таня’). В таких случаях никакого варьирования палатализованного с непалатализованным уже не допускается (в отличие от водских слов с контекстной палатализацией).

4. В водских словах существовали фонемы /š/ и /šš/, но не было соответствующих палатализованных фонем (т.е. /š'/ и /š'š'/). В заимствованных русских словах происходила соответствующая фонетическая адаптация (*jaššikk* ‘ящик’ [Tsvetkov 1995: 71]). У современных водских носителей такая адаптация происходит нерегулярно (некоторые носители языка предпочитают вариант с [šš], другие – с палатализованным [š'š'], а в некоторых идиолектах могут встретиться оба варианта). В такой ситуации можно было бы говорить о свободном варьировании [š] и [š'], если бы не

существовало собственно водских слов, где никакого варьирования не наблюдается (kaŋjušši ‘пастух’, но не *kaŋjušš’i).

Подобного рода ситуации возникают примерно с половиной консонантов водского языка. В результате, водский консонантизм состоит как бы из двух равных частей – архаичных сегментов, не вызывающих сомнения в своем фонологическом статусе, и инновационных сегментов, фонологический статус которых неочевиден. Принятие тривиальных решений (например, постулирование двух фонологических систем – исконной и заимствованной) в случае современного водского языка не помогает решить проблему, поскольку инновационные сегменты являются результатом действия различных процессов. Типичной становится ситуация, когда сегмент представлен в ограниченном числе примеров, каждый из которых оказывается маргинальным по своим собственным причинам.

В результате исследователь, пытающийся построить фонологическую систему современного водского языка, вынужден принимать большое количество условных решений. Поэтому не исключено, что варианты современной водской фонологии, предложенные различными исследователями, будут различаться не менее, чем фонологические системы двух неродственных языков.

Литература

- Ariste P. *A grammar of the Votic language*. Bloomington – The Hague (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series, vol. 68), 1968.
- Tsvetkov D. *Vatjan kielen joenperän murteen sanasto*. Toim. Johanna Laakso. Suomalais-ugrilainen Seura. Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, Helsinki, 1995.

Типологические особенности сочинения в эвенкийском языке

Е. Л. Рудницкая (ИВ РАН)

Согласно работам [I. Nedjalkov 1997: 87–95; Bulatova, Grenoble 1999: 44–46, 55; Колесникова 1966: 23–25, 187–191], в эвенкийском языке существует несколько моделей образования сочинительных конструкций, как и в других тунгусо-маньчжурских языках: [Мальчуков 2008: 318–346; Tolskaya, Tolskaya 2008: 102].

Наряду с моделью «сочинительных предложений с конвербами» [Haspelmath 1995: 13; Alpatov, Podlesskaya 1995], авторы грамматик приводят еще несколько моделей. Сочинительные отношения (‘а’/ ‘но’/ ‘или’), согласно работам [I. Nedjalkov 1997:

87; Колесникова 1966: 24], могут выражаться тремя способами: (1) модель с союзами (или коннекторами): *taduk* 'и (потом)'/ 'а', *amiväl* 'но'/ 'однако' или заимствованное из русского *i* 'и' и др.; (2) присоединение фокусно-кванторной частицы *-dā* к обоим сочиненным членам или (в случае сочинения глагольных групп/предложений) только ко второму. Частица *-dā* присоединяется к первому слову сочиненной составляющей. В случае разделительной связи к обоим конъюнктам присоединяется (эмфатически-вопросительная) частица *-(n)gi* или заимствованная из русского частица *-li*; (3) «бессоюзная» модель, то есть соположение.

В соответствии с работой [Haspelmith 2004: 6], модель с *-dā* (маркирование частицей второго из сочиненных членов) встречается редко; эта модель зафиксирована в латыни. Можно ли считать модель на *-dā* и аналогичные модели в тунгусских языках [Мальчуков 2008: 329–331] грамматикализованным способом выражения соединительной связи?

Ответ на данный вопрос, как кажется, отрицательный. В-первых, как отмечается в работе [I. Nedjalkov 1997: 92], два придаточных сочиненных предложения (с конвербами) соединяются только через соположение (модель 3), без присоединения *-dā*. В случае грамматикализации модели (2) с *-dā*, эта модель распространялась бы не только на отношения между главными, но и между придаточными предложениями.

Во-вторых, как указывается в работах [Колесникова 1966: 24; Bulatova, Grenoble 1999: 56], базовая модель при соединительном сочинении – соположение (модель 3). Это подтверждается устными текстами разных говоров эвенкийского – [Казакевич и др. 2009; Тексты 2008-2010]. В этих текстах *-dā* встречается только в лексикализованных сочетаниях с соединительной функцией (например, *tuk-dā* 'так-PTCL' «и тогда/ и так»).

В-третьих (см. [Колесникова 1966: 24]), модель с *-dā* употребляется в основном для «сопоставительно-противопоставительного» сочинения ('а'/ 'но'). Пример (331) из работы [I. Nedjalkov 1997: 87] показывает, что *-dā* при первом слове второй сочиненной клаузы может быть употреблено и для чисто конъюнктивного сочинения: «Они приехали вчера, а их друзья приехали позавчера».

Важно то, что *-dā* не используется при наличии временной/причинной связи между сочиняемыми клаузами. В этом случае используются соположение, союзы/ коннекторы *taduk* 'и (потом)', *tarit* 'и поэтому' и др. [I. Nedjalkov 1997: 88; Колесникова 1966: 218] или конвербы на *-ksā*, *-dālā*, *-mī*, *-rāk* и др., выражающие разные виды временной зависимости [I. Nedjalkov 1997: 44–48; Bulatova, Grenoble 1999: 44].

Согласно работе [I. Nedjalkov 1995: 455-457], конвербы на *-mī* и *-rāk* – контекстуальные (contextual, [V. Nedjalkov 1995: 108]). Однако эти конвербы, в отличие от японских и корейских [Alpatov, Podlesskaya 1995; Рудницкая 1997], при нетемпоральной интерпретации могут выражать только подчинительную связь (причина, уступка, условие и др.) – ср. чувашский конверб на *-sa/-se* в работе [Пазельская 2006].

Модели (1)–(3) используются для сочинения имен (наряду с «комитативной» моделью на *-nīn* [I. Nedjalkov 1997: 91]). Для алтайских языков использование одной и той же модели для сочинения предложений и имен нехарактерно (ср. японский и корейский). Ядерная функция *-dā* – фокусно-кванторная частица, см. [Константинова 1964: 252–253; Казакевич и др. 2009; Тексты 2008–2010]. Это еще один аргумент против рассмотрения *-dā* как грамматического маркера сочинительной связи.

Литература

- Казакевич, О. А., Митрофанова, Н. К., Рудницкая, Е. Л. 2009. Истории жизни автохтонного населения Сибири: публикации глоссированных текстов (публикация 2) // *Вестник РГГУ*, № 6. Серия Языкознание. С. 286–323.
- Колесникова В. Д. 1966. *Синтаксис эвенкийского языка*. М.: Наука.
- Константинова О. А. 1964. *Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология*. М.: Наука.
- Мальчуков, А. Л. 2008. *Синтаксис эвенского языка: структурные, семантические, коммуникативные аспекты*. СПб: «Наука».
- Пазельская, А. Г. 2006. *Чувашский контекстный конверб на -sa/-se и сочинение*. Доклад на конференции LENCA-3, Томск, 27–30 июня 2006 г.
- Рудницкая, Е. Л. 1997. Проблема алтайского сочинения в корейском языке // *Вопросы языкознания*, N 6. С. 89–99.
- Тексты 2008–2010. "Таймыр" (2008), "Рассказ о жизни" (2009–2010). Эвенкийский язык, архив экспедиций НИВЦ МГУ.
- Alpatov, V. M., V. I. Podlesskaya. 1995. *Converbs in Japanese* // M. Haspelmath, E. König (eds.), 465–486.
- Haspelmath, M., E. König (eds), *Converbs in cross-linguistic perspective. Structure and meaning of adverbial forms. Adverbial participles. Gerunds*. Berlin - New-York: Mouton de Gruyter. PP. 465-486.
- Bulatova, N., Grenoble, L. 1999. *Evenki* (Languages of the world/Material 141) // *Lincom Europa*.
- Haspelmath, M. 2004. Coordinating constructions: An overview // M. Haspelmath (ed.), *Coordinating constructions, typological studies in language*. John Benjamins, 3–40.
- Nedjalkov I. 1997. *Evenki*. London. N.Y.: Routledge.

- Nedjalkov I. V. 1995. Converbs in Evenki. // M. Haspelmath, E. Konig (eds). P. 441–464.
- Nedjalkov, V. P. 1995. Some Typological Parameters of Converbs // M. Haspelmath, E. Konig (eds). P. 97–136.
- Tolskaya M., I. Tolskaya. 2008. Question particles or what? Open alternative questions in Udeghe // E. W. Vajda (ed.), *Subordination and Coordination Strategies in North Asian Languages*. Western Washington University & Max Planck Insitute for Evolutionary Anthropology: Leipzig. P. 97–108.

«Актантное» и «обстоятельственное» оформление сентенциального актанта в адыгейском языке ¹

Н. В. Сердобольская (РГГУ)

В исследованиях полипредикации принято сопоставлять три типа сложноподчиненных конструкций – актантные, обстоятельственные и относительные предложения – с тремя типами зависимых в простом предложении. А именно, актантные предложения (или конструкции с сентенциальными актантами, далее: КСА) соотносят с именными актантами, обстоятельственные предложения – с сирконстантами, относительные – с определением в именной группе. Такой подход предполагает, что три типа подчиненных конструкций в той или иной мере «наследуют» свойства того типа зависимых, с которым соотносятся. В частности, в различных языках зависимая предикация, выраженная различными видами номинализаций (масдар, отглагольное имя и т.п.), обычно присоединяет те же падежные показатели / предлоги / послелого, что и имя при данном главном предикате (см. [ТКПА 1985; Noonan 1985]). Рассмотрим примеры из адыгейского языка:

- (1) *se təwəʒə-m sə-š'-e-š'əne*
я волк-ERG 1SG.ABS-LOC-DYN-бояться
'Я боюсь волка'.
- (2) а. *se č'eš'ə-m s-jə-zaq_w-ew*
я ночь-ERG 1SG.PR-POSS-один-ADV
qe-s-ḱ_wə.ha-nə-m sə-š'-e-š'əne.
DIR-1SG.A-идти-POT-ERG 1SG.ABS-LOC-DYN-бояться
'Я боюсь ходить один ночью (по улице)'.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 09-04-00297а.

Стимул при данном глаголе оформляется эргативом – как в случае с именным (1), так и в случае с СА (2).

Специфика адыгейского языка состоит в том, что вариант оформления СА в (2а) – не единственный. Довольно часто носители допускают при данном глаголе конструкции, в которых зависимый предикат присоединяет показатели инструментального и обстоятельственного падежей (в терминах [Рогава, Керашева 1966]); ср.:

б. *se* *č'eš'ə-m* *s-jə-zaq_w-ew*
 я ночь-ERG 1SG-POSS-один-ADV
qe-s-k_wə.ha-n-ew *sə-š'-e-š'əne*
 DIR-1SG.A-идти-POT-ADV 1SG.ABS-LOC-DYN-бояться

в. *se* *č'eš'ə-m* *s-jə-zaq_w-ew*
 я ночь-ERG 1SG-POSS-один-ADV
qe-s-k_wə.ha-n-č'e *sə-š'-e-š'əne*
 DIR-1SG.A-идти-POT-INS 1SG.ABS-LOC-DYN-бояться
 а=б=в. 'Я боюсь ходить один ночью (по улице)'.

В адыгейском языке зафиксировано четыре падежа, два из которых – эргатив и абсолютив – кодируют ядерные актанты предиката, а остальные два – инструментальный и обстоятельственный – вводят периферийные актанты или, чаще, сирконстанты ([Рогава, Керашева 1966; Сердобольская, Кузнецова 2009]). Инструментальный и обстоятельственный падежи в адыгейском языке вводят обстоятельственные предложения. Таким образом, СА в (2а) оформляется показателем, который обычно кодирует актанты, а в (2б) и (2в) выбирается «обстоятельственное» оформление.

Оформление СА с помощью «обстоятельственных» средств¹, как и сама вариативность в выборе падежного показателя в КСА, – одна из интереснейших особенностей адыгейского языка, практически не зафиксированная в других языках (см. [Князев 2009] относительно такой вариативности в калмыцком языке).

Встает вопрос о том, насколько зависимая предикация в (2бв) демонстрирует свойства актанта или сирконстанта, а также вопрос о выборе падежного показателя при СА, т.е. о выборе между (2а), (2б) и (2в).

В докладе будет показано, что отмеченное явление не может быть вполне описано с точки зрения противопоставления актантов и сирконстантов: зависимые клаузы, оформленные ядерным паде-

¹ Здесь мы исключаем из рассмотрения случаи, когда в КСА используются конвербы.

жом, всегда вводят актанты, но неверно, что зависимые клаузы, оформленные неядерными падежами, вводят только сир-константы. Далее, в результате анализа семантики конструкций, аналогичных (2абв), будет предложено объяснение выбора падежного показателя в КСА в терминах «факт», «пропозиция» и «событие» (см. [Зализняк 1990; Подлесская 1990]).

Литература

- Зализняк Анна А. О понятии «факт» в лингвистической семантике // *Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста* / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Наука, 1990. С. 21–33.
- Князев М. Ю. Сентенциальные дополнения в калмыцком языке // *Исследования по грамматике калмыцкого языка (Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН)*. СПб.: Наука, 2009.
- Подлесская В. И. «Факты», «события» и «пропозиции» в свете фактов японского языка // *Вопросы языкознания*, 1990, № 4. М.: Наука, 1990. С. 93–106.
- Рogaва Г. В., Керашева З. И. *Грамматика адыгейского языка*. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1966.
- Сердобольская Н. В., Кузнецова Ю. Л. Двойное падежное маркирование: уникальный случай адыгейского языка // *Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка* / Отв. ред. Тестелец Я. Г. М.: РГГУ, 2009.
- Типология конструкций с предикатными актантами* / Отв. ред. Храковский В. С. Л.: Наука, 1985.
- Noonan M. Complementation // *Language Typology and Syntactic Description*, v. 2: Complex Constructions. Ed. by T. Shopen. Cambridge University Press, 1985, pp. 42–140.

Причастия тофаларского языка: не только признак, не только атрибутивность

М. Ю. Смолина (ИЛИ РАН)

В тофаларском языке существует три причастных формы, различающиеся «временем» (по [Рассадин 1978: 186]). Две из них – так называемые причастия настоящего и будущего времени – демонстрируют спектр свойств и функций, необычных для причастий и ставящих вопрос о реальном статусе этих форм.

1) Обе этих формы синтаксически могут выступать в нормальной для причастия роли приименного атрибута.

2) Они также могут выполнять роль предиката главного предложения (что нормально для причастий в целом ряде языков):

Ава-м мишәк һал-ып чыгът-ыр(ы)
 Мать-POS1SG сумка нести-CONV1 лежать-**PRTPRS**
 ‘Мама несет сумку’.

3) Обе формы могут принимать собственные падежные окончания, а также принимать или не принимать показатели притяжательности. При этом они образуют вершину придаточного предложения (как правило, со значением временного совпадения, реже предшествования). Эти формы сохраняют управление аккузативом прямого объекта, а субъект придаточного предложения может как сохранять форму основного падежа, так и принимать окончания родительного:

Ол киши-ниң чору-су-и
 Тот человек-GEN идти.**PRTPRS-POS3-ACC**
көр-дүр-мен
 видеть-PRS-1SG
 ‘Я вижу, что идет тот человек’.

Номинализованные глагольные формы с подобной синтаксической функцией можно обнаружить как в родственных тюркских языках, так и в языках других групп. Принципиальное же отличие состоит в том, что такие номинализованные глагольные формы в других языках не могут ни выступать приименным определением, ни становиться вершиной главного предложения – то есть функционально значительно более ограничены и полностью вписываются в концепцию «отглагольного имени». Для тофаларских причастий настоящего и будущего времени это не так.

4) Причастие будущего времени также регулярно выступает в функции имени действия, эквивалентной функции инфинитива в других языках. При этом оно факультативно может иметь показатель дательного падежа, но чаще падежного показателя не имеет:

Суг-дан коьрт-пас-ы эки
 вода-ABL бояться-**PRTFUTNEG-POS3** хорошо
 ‘Не бояться воды – хорошо’

В номинализованном употреблении (обоих видов) это причастие часто, но не всегда, утрачивает семантику будущего времени.

Таким образом, мы обнаруживаем в тофаларском языке конвербы, способные выступать в роли:

- 1) Приименного атрибута (собственно причастной)
- 2) Глагольной вершины предложения (функционально эквивалентно финитной глагольной форме)
- 3) Номинализованной вершины зависимого предложения (функционально близко к герундию)
- 4) Отглагольного имени в различных функциях (эквивалентно инфинитиву)

Подобная комбинация функций в пределах одной грамматической формы является экзотической. Однозначность классификации этих форм как «причастий» вызывает массу сомнений, и их статус в языке нуждается в особом рассмотрении.

Литература

Рассадин В. И. *Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении*. М., 1978

Аллокутивная частица и показатель множественности в даргинском языке

Н. Р. Сумбатова (РГГУ) ¹

Аллокутивными называют показатели, которые выражают свойства адресата высказывания. Этот термин введен исследователями баскского языка, в котором представлены аллокутивные показатели, выражающие согласование с адресатом по роду (см., например, [Адаскина 2008]). По-видимому, аллокутивные показатели представляют собой сравнительно редкое явление.

В диалекте с. Танты (даргинский язык; Акушинский район Республики Дагестан) представлена клитика *-j(a)*, которая указывает на множественность адресата высказывания. Чаще всего она появляется в императивных, прохибитивных и оптативных высказываниях.

- (1) *d-uč-iž* *ka-d-ig-are*,
1/2PL-eat:PF-INF DOWN-1/2PL-sit:PF-before
nuq-be *ic-a-ja*
hand-PL wash:IPF-IMP.PL-PL.ADR
'Прежде чем сядете за стол, вымойте руки!'

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 10-04-00228а.

- (2) *ǰux:a arale d-at-ab-a-ja!*
 you.PL healthy 1/2PL-leave:PF-OPT-2PL-PL.ADR
 ‘Будьте здоровы!’

Также довольно обычно появление этой клитики в вопросах, обращенных к нескольким лицам:

- (3) *čaj čič d-ik:-ul-da-ja?*
 tea who:DAT 1/2PL-want-PRES-2PL-PL.ADR
 ‘Кто хочет чаю?’ (при обращении к нескольким собеседникам)

- (4) *mašina či-la le-b-a? / leb-a-ja?*
 car who-GEN exist-N-Q / exist-N-Q-PL.ADR
 ‘У кого есть машина?’ (к одному собеседнику/к нескольким собеседникам)

Появление *-ja* не зависит от того, упоминается ли адресат в высказывании. Поэтому эта клитика употребительна и в декларативных предложениях:

- (5) *du učitel-da-ja*
 I teacher-1-PL.ADR
 ‘Я учитель’ (при обращении к нескольким собеседникам).

В других даргинских диалектах показатель, соответствующий тантынской аллокутивной клитике, мы встречаем в роли суффикса, который маркирует множественность аргумента второго лица. По-видимому, клитика в тантынском представляет более архаичное состояние данного показателя. В императивных и прохибитивных (в меньшей степени также в оптативных) формах, где такая клитика, по-видимому, наиболее обычна, множественный адресат – ИГ второго лица – является, как правило, и субъектом главной предикации. На основе этой связи аллокутивная клитика может подвергаться грамматикализации, превращаясь в показатель множественности, причем это уже не множественность адресата, а множественность аргумента второго лица. Именно в этой функции мы застаем ее в большинстве современных диалектов, ср. ицаринский диалект (формы глагола ‘спать’):

	2SG	2PL
Императив	w-iš:-i	d-iš:-a.ja
Оптатив	w-ix:-ab-i	d-ix:-ab-a.ja

Как правило, сфера функционирования показателя множественности ограничивается вышеперечисленными формами, которые обладают явной семантической общностью. Однако в ряде диалектов (например, в кадарском, см. [Магометов 1962])

можно наблюдать экспансию бывшей клитики/показателя множественности второго лица и присоединение его к индикативным формам глагола.

Следует отметить, что маркирование множественности исключительно во втором лице – также довольно нестандартная ситуация. Это одно из проявлений приоритета второго лица над первым, свойственного по крайней мере части даргинских диалектов [Sumbatova in print].

Литература

- Адаскина Ю. В. Аллокутивные формы баскского глагола / *Вопросы языкознания*. 2008. № 5. С. 84–102.
- Магомедов А. А. Личное спряжение в даргинском языке сравнительно со спряжением в табасаранском и лакском языках // *Иберийско-кавказское языкознание XIII*. 1962. С. 313–342.
- Sumbatova N. R. *Person hierarchies and the problem of person marker origin in Dargwa: facts and diachronic problems*. In print.

Полиаффиксы в тувинском языке ¹

А. А. Сюрюн (ИЛИ РАН)

0. Доклад посвящен необычному образованию форм условного и предельного наклонений в тувинском языке.

1. В большинстве тюркских языков форма условного наклонения образуется при помощи суффикса *-ca// -ce*. Однако в тувинском языке отмечается особое образование форм условного наклонения, «где формант условной формы как бы редуцируется» [Баскаков 1956: 297]. Здесь, кроме суффикса *-ca// -ce*, *-za// -ze*, называемого в [Исхаков, Пальмбах 1961] «внешним», встречается и «внутренний» суффикс условного наклонения *-sy// -si*, *-su// -сү*, *-zy// -зи*, *-zu// -зү* [Там же: 46, 400]: *олур-зу-ң-за* ‘если ты сядешь’. Предполагается, что формы 1 и 2 л. ед. и мн. числа условного наклонения образовались в результате сращения аналитической формы условного [Бабушкин 1960; Сат 1968; Чадамба 1974]:

- (1) *бар-ды-м* *и-зе* (также с *бы-за*) > *бардымзе*
идти-PST1-1SG AUX-COND
‘если я пойду’,

¹ Работа выполнена за счет средств гранта РГНФ № 10-04-18028е.

где *изе* – форма условного наклонения древнего глагола *и* «быть», а *быза* – форма от *бол* «быть, стать». В результате регрессивной ассимиляции *бардымзе* > *барзымзе* > *барзымза* [там же]. Морфологические различия в образовании форм условного наклонения считаются одним из критериев выделения диалектов тувинского языка – ‘если я пойду’: тоджинский *барзам*, центральный *барзымза*, западный говор центрального диалекта *бардым быза* [Чадамба 1974: 14, 104]. Заметим, что древняя форма *барзам*, сохранявшаяся в тоджинском диалекте тувинского языка, как и *бардым быза* в западных говорах, в современном тувинском вытеснена формой *барзымза*.

2. Еще одним примером употребления циркумфикса, или, точнее, полиаффикса [Плунгян 2003: 95] является форма предельного наклонения в тувинском языке: *бар-гыже-м-че* ‘до тех пор, пока я не приду’, которая состоит из «внутреннего» суффикса *-гыже//*-*гыже*, *-гуже//*-*гүже*, *-кыже//*-*кыже*, *-куже//*-*куже* и «внешнего» – *-че//*-*же*. «Внутренний» суффикс *-гыже* возводят к «причастному *-ган//*... и наречному *-че* < *-чак», который встречается только в нескольких тюркских языках в качестве суффикса деепричастия предела [Исхаков, Пальмбах 1961: 406]. Отметим, что в тоджинском диалекте тувинского языка «внешний» суффикс предельного наклонения представлен показателем дательного падежа *-га//*-*ге*, *-ка//*-*ке*: *келгишемге // келгишаамга* «до тех пор, пока я не приду», *келгишеңге // келгишааңга* «до тех пор, пока ты не придешь», *келгише // келгишаа* «до тех пор, пока он не придет» и т.д. [Чадамба 1974: 106].

3. Если говорить о тюркских языках в целом, то формы условного (*-зы...-за*) и предельного (*-гыже...-че*) наклонения с полиаффиксами характерны только для тувинского. В тюркских языках личный показатель всегда занимает конечную позицию в глагольной словоформе. Однако в тувинском языке «внешние» суффиксы *-за* и *-че* занимают позицию после личных показателей. Только в третьем лице ед. и мн. числа сохраняется исходная форма условного наклонения, которая присуща большинству других современных тюркских языков.

Литература

- Бабушкин Г. Ф. Предварительные данные по западному диалекту тувинского языка // *Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ*. Вып. VIII. – Кызыл, 1960.
- Баскаков Н. А. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы // *Исследования по сравнительной*

- грамматике тюркских языков. Ч. II. Морфология. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 263-303.
- Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. *Грамматика тувинского языка. Фонетика и Морфология.* – М.: Изд-во восточной литературы, 1961.
- Плунгян В. А. *Общая морфология. Введение в проблематику.* Изд. 2-е, испр. – М.: Эдиториал УРСС, 2003
- Сат Ш. Ч. Образование формы условного наклонения в тувинском языке // *Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ.* Вып. XIII. – Кызыл, 1968.
- Чадамба З. Б. *Тоджинский диалект тувинского языка.* – Кызыл: Тув. книжное изд-во, 1974.

Происхождение одной уникальной идеограммы в говорах Русского Севера¹

О. А. Теуш (Уральский государственный университет)

Участникам экспедиции Уральского госуниверситета на Русском Севере удалось записать два синонимичных выражения, ранее не фиксировавшихся в других источниках: *мардас (мартас) выел (выкусил)*, ср. *мардас* ‘видение, плохой знак’, и *орт укусил* ‘о синих (реже – красных) пятнах на теле человека, появляющихся, по народным поверьям, к смерти самого человека или его близких, плохому событию’, ср.: «*Синяк будет на ноги или на руки, скажут, мардас выел: если мардас выел в себе – покойники будут, а если в наружную сторону – плохо событие*», «*Когда появится темное пятно, скажут: орт укусил. Кто-то умрет из знакомых или сам человек умрет*». Указанная идеограмма не встречается в других русских диалектах, но ср. на той же территории: *мойга* ‘пигментное пятно синего цвета у пожилых людей, предвещающее смерть’, *смертные пятна* ‘синие пятна, появляющиеся у человека перед смертью’.

Уникальность семантики, строения выражений (при однотипной структуре), наличие в составе этимологически неясных лексем позволяют думать об иноязычном влиянии, каковым в силу специфики территории может являться финно-угорское.

¹ Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

Согласно представлениям многих финно-угорских народов, душа умершего может являться в виде призрака, звука, животного, рыбы или птицы, предвещающая тем самым смерть. Вепсы верили, что «душа–птица, улетевшая в мир мертвых, могла возвратиться к живым как вестник смерти. По вепским поверьям, если любая птица залетала в окно дома, то это предвещало скорую смерть одного из ее обитателей» [Прибалтийско-финские народы 2003: 434]. В финском языке зафиксировано слово *marras* ‘существо, предвещающее смерть’ [Айхенвальд, Петрухин, Хелимский 1982: 168], ‘необычный, большой, редкий зверь – рыба в снастях’ – «означает смерть ловца» [Симонсуури 1991: 48], ср. русск.: «*Мардас* – это значит хорошее что-нибудь попадет перед плохим: брат мой щуку вытянул и умер скоро». Финскому родственно эст. *mardus* ‘привидение, предвещающее несчастье или смерть’ [Тамм 1977: 294]. Обе лексемы заимствованы из арийского *marras* ‘умерший, покойник’ [Хакулинен 1955: 66–67]. Сходные представления обнаруживаются у коми: *урес* ‘призрак, привидение, которое будто бы показывается родственникам или друзьям перед смертью кого-л., двойник человека’, *урӧс* ‘беда, несчастье, неприятный случай’ [Сравнительный словарь 1961: 400], «перед бедой, перед случаем смерти появляется *орт* тому, которого коснется беда, или его знакомым; он представляется также звуками в воздухе» [Fokos–Fuchs 1959: 711].

Вера в то, что дух умершего может укубить человека и оставить пятно, предвещающее смерть, также отмечена в данных различных финно-угорских языков. Фин. *huunpurema*, *huunhaukko* обозначают ‘веснушка, синеватое или черное пятнышко, появляющееся на коже якобы к смерти близких родственников’ [Suomen kielen I: 91] при внутренней форме ‘призрака умершего укуб’. Аналогично в коми: *орт*, *ӧрт*, *орд*, *урес* ‘привидение, тень, призрак покойника; дух, двойник человека, который по поверьям ходит среди людей перед смертью кого-л. и может кусать людей до синяков’ [Сравнительный словарь 1961: 277], *орт т’сепл’але жајте* ‘*орт* щипает тебя в тело; место станет синим’, *орт т’сепл’ала:ма у́зиг кости* ‘*орт* меня во сне (во время сна) ущипнул’ [Fokos–Fuchs 1959: 711].

Таким образом, уникальные выражения, зафиксированные на восточной периферии Русского Севера (Мезенский и Ленский районы Архангельской области), можно признать результатом контактов с прибалтийско-финскими и коми языками.

Литература

- Айхенвальд А. Ю., Петрухин В. Я., Хелимский Е. А. К реконструкции мифологических представлений финно-угорских народов // *Балто-славянские исследования*, 1981. М., 1982. С. 162–192.
- Прибалтийско-финские народы России* / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 2003.
- Симонсуури Л. *Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов*. Петрозаводск, 1991.
- Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов*. Сыктывкар, 1961.
- Тамм И. *Эстонско-русский словарь*. Таллин, 1977.
- Хакулинен Л. *Развитие и структура финского языка*. Ч. 2. М., 1955.
- Fokos-Fuchs D. R. *Syrjänisches Wörterbuch*. I–II. Budapest, 1959.
- Suomen kielen etymologinen sanakirja*. I–VII. LSFU. XII. Helsinki, 1958–1981.

Островок «активного строя» в глагольной морфологии ненецкого и энецкого языков¹

А. Ю. Урманчиева (ИЯз РАН)

В докладе рассматривается фрагмент деривационной глагольной морфологии ненецкого и энецкого, представляющий оппозицию, которую естественнее всего трактовать в терминах «активности».

1. Понятие «активности».

Речь идет о трех основных стратегиях противопоставления следующих глагольных актантов:

- агенс непереходного глагола (A_1);
- пациенс непереходного глагола (P_1);
- агенс переходного глагола (A_2);
- пациенс переходного глагола (P_2).

При номинативной стратегии кодирования одинаково (номинативом) маркируются A_1 , P_1 и A_2 , которым противопоставлен P_2 , маркированный аккузативом.

При эргативной стратегии одинаково (номинативом) маркируются A_1 , P_1 и P_2 , тогда как A_2 маркируется эргативом.

При активной стратегии одинаковым образом оказываются маркированы, с одной стороны, A_1 и A_2 , с другой стороны – P_1 и P_2 .

¹Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 08-04-00209а.

Склонение имени – не единственная область грамматики, в которой может проявляться номинативность / эргативность / активность. Эти же оппозиции могут маркироваться и, например, при помощи глагольного согласования. Язык может быть «непоследователен» в реализации той или иной стратегии: например, в одном и том же языке падежное маркирование может быть организовано в соответствии с эргативной стратегией, а глагольное согласование управляться правилами номинативной стратегии. В применении к материалу ненецкого и энецкого языков для нас является существенным тот факт, что в языке возможно совмещение нескольких стратегий благодаря тому, что различные участки грамматики могут быть организованы различным образом.

2. В сферах грамматики, которые являются «диагностическими» для определения того, какая именно стратегия кодирования актантов представлена в языке, ненецкий и энецкий, как и все самодийские языки, являются последовательно номинативными.

Но на периферии грамматической системы в этих языках существует «островок инактивности». Речь идет о морфологическом обособлении группы глаголов, семантику которых можно обобщить как инактивную:

– в ненецком эти глаголы оформлены суффиксом *-na*;

– в энецком эти глаголы оформлены суффиксом *-der*.

Приведем примеры энецких глаголов из этой группы:

bad'ider- ‘быть выступающим’; *buđider-* ‘шевелиться’;
d'aʔeder- ‘быть с небольшим скосом’; *d'aleder-* ‘быть серым’;
d'iđider- ‘хрипеть’; *d'ineder-* ‘быть сморщенным’; *kat'eder-* ‘быть окоченелым, негнушимся’; *suuder-* ‘гудеть на ветру’.

Ниже несколько фразовых примеров иллюстрируют употребление этих глаголов:

Pee d'ul'iʔ kat'edeŋa t'uku puđođoda idobuʔ.

дерево-Gen подобно негнущимся + быть-Praes-s3 весь туловище-
 Асс-3 поднять-VAcond

‘Она вся негнущаяся, как палка, если поднять ее туловище’.

Leuŋaʔ, d'aada buđideŋa kurexeeʔ.

кричать-Praes-s3P1 земля-3 шевелиться-Praes-s3 аж

‘[Чайки] кричат, аж земля шевелится.’

Kutoo međoʔ d'eeriiduʔ lobidiŋeʔ med'exone.

некоторый чум-P1 нюк = Lim-P1-3P1 болтаться-Praes-s3P1 ветер-Loc

‘У некоторых чумов только нюки болтаются на ветру.’

Лексическую семантику глаголов, входящих в описываемую группу, можно обобщить следующим образом: все они представляют ситуации с единственным инактивным участником. Эта группа включает в себя:

– качественные предикаты, которым в переводе на русский язык часто соответствуют прилагательные (ср. *takuder-* ‘быть серым / желтым’; *toruder-* быть тупоконечным, выпуклым; *tugeder-* ‘быть усохшим, коротким’)

– предикаты, описывающие ситуации, осуществление которых не контролируется их единственным участником.

Интересно отметить, что большинство инактивных предикатов, неформально говоря, являются «семантически периферийными». В этой группе представлены глаголы, которые по своему значению близки к так называемым образным словам.

Все сказанное о семантике энецких глаголов может быть отнесено и к группе ненецких глаголов с суффиксом *-na*: *лыбцанась* ‘качаться, шататься’; *халцанась* (извиваться); *тяданась* ‘быстро идти в широко распахивающейся одежде’; *лисанась* ‘держат руки ладонями вверх’; *сяханась* ‘бренчать’; *пыхынась* ‘ворочаться с боку на бок без сна’.

Серии глагольных лично-числовых показателей в лесном диалекте энецкого языка

*О. В. Ханина (Институт эволюционной антропологии
Макса Планка), А. Б. Шлуинский (ИЯЗ РАН; Институт
эволюционной антропологии Макса Планка)*

Современный лесной диалект энецкого языка насчитывает 16 парадигм глагольных лично-числовых показателей, обеспечивающих согласование глагола с подлежащим. С одной стороны, различаются четыре парадигмы согласовательных серий; с другой стороны, различаются четыре парадигмы модально-временных серий – эти два независимых друг от друга явления перемножаются.

Система глагольного согласования оказывается зависимой от целого ряда факторов – от модально-временной семантики до линейной организации предложения, – и часть этих факторов еще ждут своего исследования. Отметим также, что синхронно засвидетельствованная система не гомогенна с точки зрения своего происхождения: часть рассматриваемых явлений имеют параллели в общеуралистической перспективе, часть – в северно-самодийской, а часть – по меньшей мере в качестве единых лично-числовых показателей – являются инновациями.

1. Согласовательные серии

Употребление согласовательных серий (называемых в традиционной уралистике «типами спряжения») связано с лексической семантикой глагола и его аргументной структурой и с синтаксическим контекстом. В рамках согласовательных серий представлены четыре парадигмы лично-числовых показателей – субъектная, субъектно-объектная для объекта единственного числа, субъектно-объектная для объекта множественного и двойственного числа, медиальная («возвратная»).

Все переходные глаголы присоединяют показатели как субъектной, так и субъектно-объектной согласовательной серии. Употребление субъектно-объектной серии обязательно, если объект 3 лица опущен. Употребление субъектной серии обязательно с объектами 1 или 2 лица и с объектом в т. н. дестинативной форме. В остальных случаях – т. е. с выраженным объектом 3 лица – возможно употребление обеих согласовательных серий, и их дистрибуция определяется семантико-синтаксическими факторами и требует дальнейшего исследования.

Большая часть непереходных глаголов присоединяют показатели только одной согласовательной серии – либо субъектной, либо медиальной. Выбор серии определяется лексически, но по меньшей мере частично зависит от лексико-семантических свойств глагола.

Более редки глаголы, способные присоединять показатели и субъектной / субъектно-объектной, и медиальной согласовательных серий (выбор серии может коррелировать с различиями в аспектуальных свойствах или с переходным vs. непереходным употреблением). В этих случаях остается открытым вопрос, идет речь о единой глагольной лексеме или о двух различных.

2. Модально-временные серии

Возможность присоединения модально-временных серий определяется модально-временной формой глагола. Представлены четыре модально-временных серии: основная, претериальная, контрастивная и императивная. Претериальная и контрастивная серии по меньшей мере диахронически производны от основной, однако возможность их синхронного членения на лично-числовой показатель и следующий за ним постфикс неоднозначна.

Основная серия употребляется со всеми модально-временными формами, за исключением Пробабилитива и Императива.

Сочетаемость претериальной серии, основная функция которой состоит в ограничении темпоральной референции прошлым, более ограничена, но также широка: она сочетается с Не-

определенным временем, Конъюнктивом, Будущим временем, Хабитуалисом и Предположительным наклонением.

Контрастивная серия, значение которой связано с переводом пресуппозитивных компонентов значения в ассертивные, сочетается с Интеррогативом, с Пробабилитивом, а также с Неопределенным временем отрицательного глагола.

Наконец, употребление Императивной серии ограничено Императивом.

On suspended affixation in Ossetic and East Armenian

David Erschler (Independent University of Moscow)

Suspended affixation, i.e., sharing of one suffix by several conjuncts, has been mostly studied on the material of Turkish [Kabak 2007, Broadwell 2008]. An important theoretical question raised by this phenomenon is whether morphologically unmarked conjuncts still covertly carry the corresponding features. In this paper, I will explore this issue for one particular feature, viz. the nominal case. For Turkic languages, where all case forms of a nominal are formed on the basis of a single stem, this question might seem moot. However, systems where this can be tested do exist, albeit they are apparently not very common. The phenomenon is amply manifested by Ossetic and, on a much smaller scale, by Armenian. For conjoined nouns, the suspended affixation is readily available in these languages:

- (1) Digor Ossetic (fieldwork)
- a. [*Medin-e vna Soslan*]-i *fewitton*
M-NOM and S-OBL I.saw
'I saw Madina and Soslan.'
- Standard East Armenian (fieldwork)
- b. *šat haj-er aprum=en [Moskva jev Piter]-um*
many Armenian-PL live=PRS.3PL Moscow and Piter-LOC
'Many Armenians live in Moscow and Petersburg.'

Somewhat unexpectedly, the straightforward generalization of this type of example for pronouns turns out to be ungrammatical ¹:

¹ For some speakers, certain examples somewhat improve when the nominative-marked conjunct is in the 1st person:

- (2) Digor Ossetic
- a. ***du** *ema medin-i fewitton*
 you.NOM and M.-OBL I.saw
 ‘I saw you and Madina.’ (intended)
- b. ***du** *ema medin-v-bel isembalppen*
 you.NOM and M-NOM-SUP I.met
 ‘I met you and Madina.’ (intended)
- Eastern Armenian
- c. ***jes u k^hez-anic^h nver**
 I.NOM and you.DAT-ABL gift
 ‘a gift from you and me’ (intended)
- d. ***Usuc^hič^h-ə hpartanum = e na jev jez-anov**
 teacher-DEF be.proud=PRS.3SG (s)he.NOM and I.DAT-INSTR
 ‘The teacher is proud of her/him and me.’

However, suspended affixation becomes fully grammatical in Ossetic and considerably improves in Armenian when the first conjunct is an oblique form of the pronoun (surprisingly, this phenomenon is overlooked in the extant descriptions of the Ossetic suspended affixation, see [Kulaev 1981] and references there):

- (3) Digor Ossetic
- a. **dew** *ema medine-bel isembalppen*
 you.OBL and M-NOM-SUP I.met
 ‘I met you and Madina.’
- East Armenian
- b. **inʒ u k^hez-anic^h nver**
 I.DAT and you.DAT-ABL gift
 ‘a gift from you and me’

- (i) Iron Ossetic
- ?**vž emv dola-t-y čyžg vne kereži**
 I.NOM and Dola-PL-OBL girl without each.other
cer-en nal i
 live no.more exist.3SG
 ‘Dolaev’s daughter and I cannot live without each other any more.’ Max Dug 2007

However, this example was judged unacceptable or hardly acceptable by many speakers, despite its being extracted from a literary text. All the three examples of suspended affixation with a pronominal first conjunct in [Kulaev 1981] are with *vž* ‘I’.

- c. ??*Usuc^hic^h-ə* *hpartanum=e nran jev ʒez-anov*
 teacher-DEF be.proud=PRS.3SG he.DAT and I.DAT-INSTR
 ‘The teacher is proud of her/him and me.’

A (partial) explanation of this fact comes from the structure of pronominal paradigms in Ossetic and Armenian: what is allowed to stand as the first conjunct is actually the largest extant independent pronoun that serves as the stem for the corresponding form: *inʒ* I.DAT for *inʒ-anic^h* I.ABL, *dew* you.OBL for *dewbel* you.SUP etc.

Table 1. Declension of personal pronouns in (Digor) Ossetic (fragment)

	1SG	2SG
Nominative	<i>ez</i>	<i>du</i>
Oblique	<i>mən</i>	<i>dew</i>
Rest of cases, illustrated by the superessive	<i>mən-bel</i>	<i>dew-bel</i>

Table 2. Declension of personal pronouns in Standard Eastern Armenian (fragment) [Dum-Tragut 2009]

	1SG	2SG	3SG
Nominative	<i>jes</i>	<i>du</i>	<i>na</i>
Dative	<i>inʒ</i>	<i>k^hez</i>	<i>nra-n</i>
Ablative	<i>inʒ-(a)nic^h</i>	<i>k^hez-(a)nic^h</i>	<i>nra-n-ic^h</i>
Instrumental	<i>inʒ-(a)nov</i>	<i>k^hez-(a)nov</i>	<i>nra-n-ov</i>

Remarkably, a bare stem may not appear as a non-last conjunct if it cannot function as an independent word. For instance, in Iron Ossetic, the reciprocal stem is a word, whereas in Digor Ossetic it cannot be used without a case suffix. Accordingly, in Iron but not in Digor the reciprocal stem may serve as a non-last conjunct in suspended affixation constructions:

- (4) Iron/Digor
 ?*nə=dywə gədy-jy [kərezi emə nə=kwyz]-əj*
 **nə=duwə tikiš-i [kəreʒe əmə nə=kuj]-əj*
 POSS.1PL=twocat-OBL each.other and POSS.1PL=dog-ABL
təš-ync
təš-uncə
 be.afraid-PRS.3PL
 ‘Two our cats are afraid of each other and of our dog.’

These data suggest that suspended affixation should be best analyzed as a manifestation of ellipsis on the morphological level, and

that non-last conjuncts in suspended affixation structures are endowed with the full set of respective features.

References

- Broadwell, G. A. Turkish Suspended Affixation Is Lexical Sharing // *Proceedings of the LFG08 Conference*. Miriam Butt and Tracy Holloway King (eds.). 2008.
- Dum-Tragut, J. *Armenian. Modern Eastern Armenian*. Amsterdam/Philadelphia. 2009.
- Kabak, Barış. (2007). Turkish suspended affixation. *Linguistics* 45 (2): 311–347.
- Kulaev, N. X. O gruppovoj fleksii v osetinskom jazyke. [On suspended affixation in Ossetic] // Bogoljubov, M. N. et al. (eds.). *Iranskoe jazykoznanie-1980*. P. 135–139. Moscow, 1981.

Glosses

ABL ablative; DAT dative; DEF definite; INSTR instrumental; LOC locative; NOM nominative; OBL oblique; PL plural; POSS possessive; PRS present; SUP superessive

A rare type of resultative in Even

A. Malchukov (St. Petersburg, ILS RAS / Leipzig, MPI)

In the well-known work by V.P. Nedjalkov [Nedjalkov 1988] on the typology of resultative constructions, three basic diathetic types of resultatives are distinguished: 1) ‘subjective resultative’ with the subject of the resultative form corresponding to the intransitive subject; 2) ‘objective resultative’ with the subject of the resultative form corresponding to the underlying object; 3) ‘possessive resultative’ with the subject of the resultative form corresponding to the transitive subject. These three types (conveniently labeled S-resultative, P-resultative and A-resultative by M. Haspelmath) have been reported for North-Tungusic Evenki in Nedjalkov & Nedjalkov [Nedjalkov & Nedjalkov 1988]. They are also found in the genealogically related Even that forms different types with the same resultative aspect marker in *-t/-č/-či-*; an S-resultative is illustrated – and contrasted with the basic construction – in (1b), a P-resultative is illustrated in (2b), an A-resultative is illustrated in (2c).

However, Even, in addition to these three diathesis types, features a fourth diathesis type illustrated in (3b), which has not been reported to the best of my knowledge for any other language. In this diathetic type, the derived subject does not correspond to any of the

verbal arguments, but rather represents an additional participant controlling the resultant state/location of the P argument (much in the same way as the A-resultatives do). The crucial difference from the A-resultative is that this diathetic type, which can be called a causative or a **possessive** resultative, is formed from intransitives rather than transitives.

Clearly, the rare type of possessive resultative was built in analogy to two-diathetic resultatives of the type illustrated in (2) which have both patientive and agentive diathesis (some other transitive resultatives may be restricted to either P-resultative or A-resultative diathesis). However, another important facilitating factor was a convergence of the erstwhile resultative marker with a partially homophonous durative aktionsart in *-či-/-t-*, which occurred in Even (but not in Evenki), and arguably strengthened A-orientation of resultative forms.

Examples

- (1) a. *Bej il-ra-n.*
 man stand_up-NONFUT-3SG
 ‘The man stood up’.

S-Resultative

- b. *Bej (tala) ila-t-ta-n*
 man (there.LOC) stand_up-RES-NONFUT-3SG
 ‘The man stands (over there)’.
- (2) a. *Bej urke-w aŋa-n*
 man door-ACC open-NONFUT.3SG
 ‘The man opened the door’.

P-Resultative

- b. *Urke aŋa-t-ta-n*
 door open-RES-NONFUT-3SG
 ‘The door is open’.

A-Resultative

- c. *Hi urke-w iŋgaj aŋa-či-nri?*
 you door-ACC why open-RES-NONFUT.2SG
 ‘Why are you keeping the door open?’
- (3) a. *Bej (d’u-du) d’aju-n*
 man (house-DAT) hide(intr)-NONFUT.3SG
 ‘The man hid (himself) in the house’.

S-Resultative

- b. *Bej (d'u-du) d'aju-t-ta-n*
man (house-DAT) hide(intr)-RES-NONFUT-3SG
'The man hid (himself)/is hiding in the house'.

Pos-Resultative

- c. *Hi bej-u iaŋgaj d'aju-či-nri?*
you man-ACC why hide(intr)-RES-NONFUT.2SG
'Why are you hiding the man?'

References

- Nedjalkov I. V., Nedjalkov V. P. 1988. Stative, Resultative, Passive, and Perfect in Evenki // Nedjalkov, V. P. (ed.). *Typology of resultative constructions*. Amsterdam: Benjamins. P. 241–258
- Nedjalkov, V. P. (ed.). 1988. *Typology of resultative constructions*. Amsterdam: Benjamins.